

Влада Ольховская

Доктор, Дым и Зеркала

фэнтези*детектив*мистика

16+

Кластерные миры

Влада Ольховская
Доктор, дым и зеркала

«Влада Ольховская »

2017

Ольховская В.

Доктор, дым и зеркала / В. Ольховская — «Влада Ольховская », 2017 — (Кластерные миры)

Я – наследница древнего клана истребителей нечисти. То есть, человек, который ну никак не должен был стать доктором для нежити. Но жизнь порой непредсказуема, поэтому теперь я – интерн в Эпионе, одной из лучших больниц магического мира. Я приехала сюда с особой миссией: здесь погиб мой брат, и я просто обязана найти убийцу. Никто не знает о моей истинной цели, кроме одного не в меру любопытного призрака. Чтобы избежать разоблачения и продолжить расследование, я вынуждена лечить тех, кого меня всю жизнь учили ненавидеть, постепенно понимая, что многие из них не так уж плохи...

© Ольховская В., 2017

© Влада Ольховская , 2017

Содержание

От автора	5
Глава 1	6
Глава 2	12
Глава 3	18
Глава 4	25
Глава 5	30
Глава 6	36
Глава 7	42
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Влада Ольховская

Доктор, дым и зеркала

От автора

«Доктор, дым и зеркала» – книга особенная. Она началась с вопроса: а как проходит обычная жизнь в необычном мире?

На фоне эпичной семейной саги о Великих Кланах (книга «Огненный король» и все последующие) мне захотелось написать камерный магический детектив, который смог бы не только увлечь вас сюжетом, но и показать, кто и как живет в Кластерных мирах.

Так и появился «Доктор» – история, произошедшая в одной волшебной больнице. Эта история не связана напрямую с сагой об Огненном короле, поэтому, хотя она и считается четвертой в серии, с нее вполне можно начинать знакомство с Кластерными мирами. А поскольку все это происходит в одной магической вселенной, в будущем вы наверняка узнаете знакомые имена и существ из «Доктора» в новых книгах серии.

Приятного чтения!

Глава 1

Нежить

Они смотрели на гроб моего брата с искренним сочувствием, некоторые даже плакали, и проблема заключалась лишь в одном: все они не были людьми.

Нежить. Они не любят это слово, а я не люблю их. И теперь, пожалуй, сильнее, чем раньше. До этого моя ненависть была отвлеченной, доставшейся мне в наследство, если уж называть вещи своими именами. Но теперь у меня появилась причина охотиться на них, вспомнить, кто я такая – и кем должна была стать, если бы не нелепый каприз моего отца.

Мы с братом были наследниками древнего рода охотников и истребителей нечисти. Наши прапрадедушки умели ставить силки на оборотней, расправляться с драконами и обращать в прах вампиров. Даже в глубину веков не нужно лезть: мой дед посвятил свою жизнь защите людей от чудовищ. Он был одним из лучших в своем деле, его уважали и друзья, и враги. Еще бы: он оставался одним из немногих чистокровных людей, владевших этим ремеслом. Проще говоря, он не умел наращивать дополнительную грудку мышц, плевать на ядом, колдовать, а монстров все равно убивал, и это было круто. Он говорил, что охота у него в крови.

Но, очевидно, моему отцу досталась какая-то другая кровь, очищенная и витаминизированная, на основе березового сока. В шестнадцать лет в нем проснулся странный, неведомый клану ген хиппи – по крайней мере, так это вижу я. Папа заявил своему отцу, что охотиться никогда не будет, что среди нелюдей есть милые, хорошие и добрые существа. Да кто ж спорит? Разумных нелюдей хватает, с ними заключено перемирие, никто не собирался на них охотиться. Дед просто не доверял им, презирал – но не трогал же! А папе этого было мало. Он почему-то чувствовал вину перед нелюдями за все, что сделали его предки, и поклялся никогда не брать в руки оружие.

На этом его подростковый протест не закончился. Папа был весьма неплох собой, девушки сами за ним бегали, боролись за его внимание, но брак с обычной человеческой женщиной казался ему слишком банальным. То ли поэтому, то ли по какой другой причине он выбрал в жены самую настоящую ведьму. Дедушку чуть инфаркт не хватил, он за папой по улице с топором гонялся, пока его в психиатрическую лечебницу не забрали – мы ведь живем в мире людей, которые не знали про все эти охотничьи разборки. Когда дед одумался и выпи-сался из больницы, молодоженов уже и след простыл.

Они скрывались по лугам и лесам, пока не родился Леон – мой старший брат. Нет, они не надеялись, что дед сменит гнев на милость. У них даже были опасения, что матерый охотник попытается закатать младенца в трехлитровую банку, просто на всякий случай. Но тут как раз несчастье помогло, как в той присказке: бабушка, уже не молодой, выбрал себе слишком сильного противника. Ту битву он все равно пережил, однако остался прикован к инвалидной коляске до конца дней. Естественно, ни о какой охоте больше речи не шло, о попытке оприх-одовать папеньку топором – тоже.

Молодое семейство вернулось в особняк деда, жить в маленькой хижине на берегу очень тихой реки им надоело до чертиков, это только в песне звучит романтично. Дед оказался не таким злобным тираном, как они воображали, внука он принял отлично и с нетерпением ждал рождения внуки – я как раз была на шестом месяце своего существования где-то в глубинах матери.

И вот тут маменька охладела. Видимо, она ввязалась во всю эту историю не от большой любви к папе, а чтобы насолить одному из самых известных кланов истребителей нечисти. Как бы то ни было, сразу после родов она собрала пожитки и ушла в закат, так ни с кем и не попрощавшись. Поэтому за свою жизнь я видела ее лишь пару минут, когда меня поднесли к

ней сразу после рождения. Похоже, я ее не впечатлила, и она решила, что засиделась на одном месте. Плевать, я все равно ее не помню.

Мы остались в огромном доме вчетвером – я, Леон, папа и дедушка. Несмотря на маменькин фортель, папа продолжал ее любить, он так и не женился второй раз, хотя варианты были. Формально, кстати, он остался в браке с моей маменькой, потому что на развод она не подавала, ее никогда не интересовали человеческие законы.

С тех пор и началась война между папой и дедушкой. Папа пытался убедить нас с братом, что жизнь – сказка, люди – зайки, нелюди – белочки, миру мир, все мы братья. Дедушка, который сам охотиться не мог, жаждал получить наследников не только по крови, но и по духу. Он рассказывал нам правду о нелюдях, которой не было в папиных сказках, и тайно учил драться.

Чем закончилась эта война? В общем-то, ничьей. Мой брат проникся идеями папы и поверил, что мир соткан из радуги, просто не все это видят. Я... Я бы, если честно, и хотела быть такой же, как Леон, но не могла. Во мне жило что-то, чего я не могла понять. Будто огонь пылал в венах, я чувствовала в себе ярость, пока еще спящую, но готовую в любой момент проснуться.

Меня это пугало, я не была уверена, что справлюсь с собой, когда проявится моя истинная природа. А дедушка лишь улыбался:

– Нельзя повязать на волчицу бантик и надеяться, что от этого она превратится в пуделя. Ты другая, ты нашей породы, этого нет у твоего отца и брата.

– Я сомневаюсь, что это правильно.

– Правильно, детка. Это ведь не обязанность, не моя воля, это часть твоей души. Ты можешь уйти от наследия нашей семьи, пожалуйста, твой папочка уже показал, как это легко. Но ты не сумеешь убежать от себя. Хищник, который живет в тебе, сам проснется и погонит тебя в ночь, и ты поймешь, что это правильно. Со мной тоже так было.

А теперь он в инвалидной коляске, один, в постоянных контрах со своим сыном. Не нравилось мне будущее, которое приносил этот внутренний хищник!

И все же проигнорировать слова деда я не могла. Я чувствовала, что он прав: мне легко дышалось только в моменты тренировок, когда я представляла, что передо мной чудовище, и вгоняла серебряный нож прямо ему в грудь. Я по-настоящему жила лишь в те моменты.

Естественно, это беспокоило моих родных – отца и брата. Да и меня тоже! Дедушка, понятное дело, торжествовал и пил текилу за мои успехи. Но я все пыталась разобраться: а не становлюсь ли я сама чудовищем? В чем разница между мной и ими? Они хотят убивать, я хочу убивать. Так может, то, что живет в моей душе, не хищник, а монстр? Я никому не могла сказать об этих сомнениях, потому что заранее знала, что ответят дед и отец. Их мнение было мне известно, оставалось только найти свое собственное.

Время на размышления утекало, мы с братом становились старше, нам предстояло выбрать, какой дорогой мы пойдем. Леон сомнениями не терзался, он хотел помогать всему миру, поэтому, когда он поступил в медицинский университет, никто не удивился. Дед на него и не давил, он давно признал, что его внук ни на кого охотиться не будет, и сосредоточился на мне.

– Ты все равно не сможешь убежать от самой себя, – твердил он. – Ты не будешь счастливой, если позволишь другим делать выбор за тебя.

Агитатор из него был тот еще. Вот только он не понимал, что и сам давил на меня, выплескивал свою волю мне на голову, как ведро холодной воды, и ожидал, что я проникнусь и побегу выполнять его команду. Как будто это так легко – принять жизнь, в которой я буду убивать разумных существ!

Судьба устала ждать, пока я определюсь с профессией, и все решила сама. Незадолго до того, как я окончила школу, папа умер. Он, вечно улыбчивый на этой своей хиппи-волне,

никогда ни на что не жаловался, и мы до последнего не знали, что у него рак. Он, может, тоже не знал, и когда болезнь обнаружили, она была на последней стадии.

Болезнь все равно пытались лечить, делали все возможное – вот только возможностей этих было не так много. Ирония в том, что мой отец, пацифист, который даже мух отгонял вежливой просьбой, а не тряпкой, получил худшую участь, чем мой дед, прожженный охотник, который на ценность жизни плевать хотел. Ну и где справедливость, где эта самая карма, которая должна вознаграждать достойных?

Мы с отцом были не слишком похожи, но я его любила. Он вырастил меня, иначе и быть не могло, а теперь он сторал у меня на глазах. Он и сам знал, что ему осталось недолго, и до того, как все стало совсем плохо, он сказал мне:

– Знаешь, я от этих обезболивающих уже как пьяный. А дальше будет хуже... Я хочу попросить тебя кое о чем сейчас, пока я еще понимаю, что происходит.

– Все, что угодно!

Я и правда была готова на все, как будто так я могла задержать его на этом свете.

– Что угодно – не надо, – мягко улыбнулся он. – Я лишь хочу, чтобы ты не повторяла ошибок моей семьи. Мы веками устраивали праздники на крови и думали, что нам все позволено. То, что происходит со мной сейчас, – расплата за это. Грехи отцов... кто-то же должен был принять их! Но я рад, что это я, и я надеюсь, что этого будет достаточно. Не слушай всю эту болтовню про честь семьи и наследие рода. Живите мирно, дарите любовь и доброту, отрекитесь от насилия. Сначала – ради меня, а потом, когда у вас появятся свои дети, вы поймете, что это ради них тоже. Ты обещаешь мне, Дара?

– Конечно... я обещаю!

Вот так этим обещанием я и направила свою жизнь в то русло, которое моему отцу казалось единственно правильным. Дед, конечно, не одобрил мой выбор, но больше он на меня не давил. Охотники за нечистой всегда уважали свое слово.

Я была уверена, что обратного пути нет – нельзя нарушить клятву, данную умирающему! Поэтому я никому не говорила, что жизнь, выбранная папой, мне не нравится. Дед был прав: я не могла перековать саму себя. Меч создан для сражений, а не для того, чтобы крошить помидорки в салат. Я чувствовала, как хищник, живущий во мне, поднимает голову все чаще. Это сводило меня с ума, я ощущала себя наркоманкой, у которой зависимость появилась еще до первой дозы.

Чтобы не свихнуться окончательно, я сделала брата примером для подражания. Леону воля нашего отца давалась легко, он был счастлив. Может, и я привыкну, если пойду по его стопам? Поэтому я тоже поступила в медицинский. Правда, быть таким же солнечным лучиком, как братец, и улыбаться всему миру я не могла, поэтому выучилась на хирурга – у него пациенты чаще молчат, чем говорят. Но в остальном, врачебное дело далось мне неплохо, лучше, чем я ожидала. Я не боялась крови – однако и проливать ее не хотела.

Пока я училась, Леон умудрился найти такое воплощение мечты нашего отца, что папа, будь он еще жив, точно умер бы от радости. Мой брат стал межвидовым врачом: это такой специалист, который умеет лечить и людей, и нелюдей. Пробриться на этот уровень очень сложно, особенно чистокровному человеку, – и потомку охотников! – но Леон всегда был упрямым, он справился. Поэтому когда я закончила учиться, он получил работу в магическом госпитале.

Вот тогда между нами случилась первая крупная ссора – не только со смерти отца, но и за всю нашу жизнь, мы с ним никогда так не скандалили. Я считала, что его новая работа – это перебор. Да, мы должны уважать волю папы, но это не значит, что нам позволено позорить дедушку и всех наших предков. Леон заявлял, что мои убеждения безнадежно устарели, мы живем не в Средневековье и должны стыдиться того, что творили предыдущие поколения. Я никого стыдиться не собиралась, и оскорбления катились по кругу. В итоге мы пришли к выводу, что я – психопатка, Леон – тряпка, на том и расстались.

Я поселилась в доме бабушки и стала работать хирургом в обычной человеческой больнице. Леон уехал в кластерный мир Эпиона, где его приняли на должность терапевта – единственного человека на все отделение, насколько мне известно.

Кластерные миры – это, вообще-то, очень любопытная штука. Так называется маленький замкнутый мир, созданный с помощью магии. Колдовская пелена отделяет это пространство от внешнего мира, ограждает его от посторонних, и там нелюди могут быть собой, ни от кого не скрываясь. Технически, кластер все равно находится в пределах внешнего мира, но внутри он разительно отличается от своего окружения. Например, кластерный мир может быть расположен в пустыне, а в нем текут реки и суши совсем немного. Или он находится в воздухе, а внутри построены средневековые замки. Общая черта у кластеров была всего одна: все они находились в местах, куда обычные люди, не связанные с магией, не забредают.

Ну и конечно, раз они созданы магией, то и управляются магией. Кластерных миров сотни, если не тысячи, и все они принадлежат нелюдям. Поэтому и Леон поступил на службу к нелюдям; узнав об этом, дед заявил, что старший внук для него умер, и вычеркнул моего брата из завещания.

Я была не столь категорична. Прошло время, мой гнев улегся, и я заскучала по брату, но не настолько, чтобы принять его новую жизнь. Между нами установилось странное и хрупкое перемирие: мы созванивались раз в месяц, говорили минут пятнадцать, делали вид, что все нормально и никакой ссоры не было. Однако от того доверия, что объединяло нас в детстве, ничего не осталось. А что делать? Взрослый мир не знает жалости.

Леон не скрывал, что ему нравится Эпиона. Этот кластерный мир был полностью отдан под больницу, больше там ничего не было, кроме разве что общежития для персонала. Место, где установлено перемирие, где разные виды живут в согласии... в общем, для нового представителя хиппи нашего семейства это был рай.

Брат не делился со мной подробностями, как в детстве и юности, потому что знал – мы стали разными, слишком разными. Но по отдельным фразам и намекам я понимала, что у него все хорошо. Он нашел друзей, он прекрасно ладил с пациентами, он отлично зарабатывал, а еще я начала подозревать, что у него появилась девушка. И судя по основному населению Эпионы, его девушка вряд ли была человеком, так что бабуле лучше было не знать об этом, да и я не была уверена, что все пойму правильно. Поэтому я была даже благодарна Леону за его молчание.

Мой брат проработал в Эпионе два года, а потом мне сообщили о его смерти.

Когда мне впервые сказали об этом, я просто не могла поверить. О таких вещах не шутят ни люди, ни нелюди, однако я отказывалась принимать такую правду. Мой брат умер? Мой молодой, здоровый, сильный, жизнерадостный брат мертв? Как такое вообще возможно? Нет, не может быть!

Я спросила. Они ответили.

Леон покончил с собой. Никто не знал, почему, но он это сделал. Однажды он забрался на крышу главного корпуса больницы и бросился вниз. Это заметили из окон, поспешили ему на помощь, однако спасти не сумели – смерть была мгновенной, он расшиб голову о камни.

Его коллеги убеждали меня, что для них это тоже шок. Леон до последнего оставался дружелюбным и приветливым, он не был похож на того, кто готовится свести счеты с жизнью. Да и зачем? Причин не было, у него все шло хорошо! К тому же, в Эпионе раз в год всех сотрудников проверяли на психологическую устойчивость, и мой брат прошел эту проверку за четыре месяца до смерти. Получается, тогда он был здоров, а теперь вдруг поддался помешательству?

В это я поверить не могла. Даже когда я немного пришла в себя и снова начала мыслить здраво, я не готова была принять версию с самоубийством. Может, мы с братом и не общались два года, но до этого мы прожили вместе всю жизнь, я знала его! Такие люди, как Леон, сотканы

из жизни, энергию смерти в нашем роду унаследовала я. Мне нужно было понять, что с ним случилось на самом деле.

Его хотели похоронить на Эпионе, там было собственное маленькое кладбище, но я настояла, чтобы тело вернули во внешний мир. Мне нужно было осмотреть его, разобраться, что с ним произошло. Да и потом, не должен потомок охотников, пусть и отказавшийся от оружия, покоиться в колдовском мире, неправильно это.

Помню, когда я впервые увидела мертвого отца, у меня в душе все замерло. Этот образ въелся в мою память, прожег ее насквозь, чтобы возвращаться ко мне в ночных кошмарах. С Леоном все было гораздо хуже, и не только потому, что я надеялась никогда не видеть брата мертвым. Если отца я видела спокойным, уже омытым, лежащим среди белых простыней, то моя встреча с братом, первая за два года, произошла в холодном морге. Он лежал передо мной на металлическом столе, уже вскрытый и зашитый, нагой, как будто искусственный, а я должна была изучать его.

Я не хотела. В какой-то момент желание развернуться и уйти стало настолько сильным, что я едва не поддалась, и мне лишь чудом удалось справиться с ним. Меня не было рядом с Леоном, когда он нуждался во мне. Я должна хоть как-то искупить свою вину перед ним, и не важно, насколько плохо мне будет.

Мне казалось, что все станет очевидным при первом же осмотре: я ведь врач, я сразу обнаружу то, что проклятые нелюди от меня скрыли! Вот только они ничего не скрывали. Тело моего брата было именно таким, каким и должно быть. Он умер от повреждений, полученных при падении с крыши, других травм я не обнаружила. Не похоже, что он боролся с кем-то перед смертью, что его заволокли на эту крышу. Нет, он просто шагнул вниз – и через пару секунд был мертв.

Но почему? Почему, Лео? Я смотрела на родное лицо до тех пор, пока слезы не застилали глаза, потом на пару секунд жмурилась, чтобы смахнуть их, и смотрела снова. Не знаю, какие ответы я надеялась так получить. Боль и отчаяние разрывали мне душу изнутри, а еще – ярость. Та самая ярость, которую я так упорно подавляла со смерти отца, рвалась наружу.

Леон доверял проклятой нежити. Он посвятил свою жизнь помощи существам, которые этого не достойны. Он считал их равными, он лечил их, а не людей. А чем они отплатили ему? Они или убили его, или довели до самоубийства, иначе и быть не могло. Они в этом виноваты, а еще – я.

Потому что я его сестра, единственная семья, что у него оставалась. Леон никогда не ладил с дедом и не мог поговорить с ним по душам, но со мной-то мог! Если бы я сама не отгородилась от него, не замкнулась в своей нелепой обиде. Возможно, если бы мы доверяли друг другу, как раньше, он бы не пошел на такой шаг, а обратился ко мне за помощью!

Теперь это все не важно. Вернуть его нельзя, можно только отомстить. Именно этим я и собиралась заняться.

Похороны моего брата проходили во внешнем мире, но его коллеги все равно явились. Они ничем не отличались от людей, они умели маскироваться, а значит, умели лить фальшивые слезы и изображать сочувствие. Я кивала, когда они подходили ко мне с соболезнованиями, но не верила ни единому слову. Они не уберегли моего брата, кто-то в Эпионе убил его – и кто-то ответит.

В тот же день я подала прошение о практике в Эпионе. Я не могла работать там, потому что никогда не изучала межвидовую медицину. Но ведь именно так ее и изучают, так начал свой путь Леон! Сначала человек или нелюдь получает высшее образование среди своих сородичей, а потом поступает в интернатуру какой-нибудь больницы, открытой для разных видов.

Правда, до этого все равно нужно пройти специальные курсы, чего мне не хватало. Однако для меня сделали исключение, уже на следующий день я получила приглашение в Эпиону. Это не удивило и не удмило меня. То, что нелюди пошли мне навстречу, казалось мне

доказательством их вины: они знают, что убили Леона, и пытаются очиститься. Но этого недостаточно! Тот, кто довел его до самоубийства, должен умереть.

Кровь за кровь – так живут охотники за нечистью. Нет, я не собиралась нарушать слово, данное отцу, и отказываться от медицины. Но я должна была разобраться в смерти своего брата.

Я рассказала деду о своем скором отъезде. Он принял эту новость спокойно, словно по моим глазам понял, ради чего я еду туда на самом деле, хотя я ему не говорила, жалела старика.

– Они будут лгать тебе, – предупредил он. – Как лгали ему. Ложь – их сущность.

– Я знаю. Я помню все, чему ты меня учил.

Я и правда помнила: я не прекращала тренировки и после смерти отца. Я убеждала себя, что делаю это лишь для того, чтобы порадовать деда, и иногда почти верила в это. Я не думала, что его уроки пригодятся мне так скоро.

– Хорошо, – улыбнулся дед. Устало улыбнулся, без веселья или злорадства, по нему смерть Леона ударила даже сильнее, чем по мне, насколько это вообще возможно. Он вдруг отчетливо понял, как мало осталось от его семьи и всего нашего клана: только я да он. – Тогда иди и отомсти за нашего мальчика.

Глава 2

Охотница

Ключ к удачной маскировке – это вера в собственную ложь. Когдаходишь в стан врага, ты должна быть убедительной, ведь там хватает тех, кто хочет сожрать тебя, порвать тебя когтями, превратить тебя в безмозглого голема... принцип, думаю, понятен. Я отправлялась в Эпиону не как очередная дурочка-стажерка, которой хочется спасти весь мир, у меня была собственная миссия. Но если о ней узнают, меня в лучшем случае вышвырнут вон, а в худшем нам с Леоном достанется двойное надгробье.

Поэтому для того, чтобы выжить в кластерном мире, мне нужно было строго разделить себя на двух Дар, каждая из которых должна была искренне верить в то, что она говорит и делает.

Первая Дара Сотер – это сестра всем известного доктора Леонида Сотера, такая же милая, приветливая и дружелюбная, как он. Может, немного бледная и печальная от недавнего горя, но все равно готовая помогать всем живым существам. Эта Дара хотела любить весь мир, восхищаться им, и я собиралась позволить ей это.

Вторая Дара Сотер была внучкой своего деда, охотницей, презирающей нелюдей. Я не планировала убивать всех подряд, только тех, кто был виновен в смерти брата. Но это не значит, что я собиралась делить нелюдей на плохих и хороших. Я ни на секунду не забывала, насколько они опасны, поэтому я не собиралась заводить там друзей. К счастью, это и не требовалось: в общежитии все жили по одному, а с другими интернами мне достаточно было просто иногда здороваться. Я никогда раньше не вела двойную жизнь и не притворялась кем-то другим, но дед сказал, что для хорошего охотника это важное умение, так что я не могла его подвести.

Я знала, как проходят путешествия через магические порталы, но только в теории. Никакие книги не могли подготовить меня к моменту, когда передо мной открылись сияющие двери. Умом я понимала, что это простейшее заклинание, Леон пользовался такими десятки раз, но они никогда не вредили ему. Однако инстинкты били тревогу, мне не хотелось делать последний шаг в эту слепящую пустоту. Что, если я отличаюсь от своего брата? Ген охотника во мне сильнее, портал это не примет, и в пункт назначения я попаду грудой неаппетитного фарша... Не та судьба, на которую я рассчитывала!

Я понимала, что это бред, полный бред, но мне потребовалась вся сила воли, чтобы войти в этот проклятый портал.

Вопреки моим ожиданиям, не было ни падения, ни тряски, ни прочих ужасов, описанных в учебниках. Я будто прошла через очень густой туман, да еще и подсвеченный изнутри. Шла недолго, всего несколько шагов, и мое путешествие закончилось так же внезапно, как началось: очередное облако тумана исчезло с моего пути, и я оказалась на залитой солнцем площадке.

Свет был настолько ярким, что он ненадолго ослепил меня, и я инстинктивно закрыла глаза рукой. Хотя от чего я защищалась – непонятно: в лазурном небе надо мной не было солнечного диска, только сияние, такова особенность всех кластерных миров.

Скоро зрение вернулось ко мне, и я сумела осмотреться. Я стояла на просторной площадке, чем-то напоминающей вертолетную. Она была полностью засыпана мелким фиолетовым гравием, чуть поблескивающим в лучах несуществующего солнца. Прямо передо мной раскинулось новое здание, покрытое приглушенно-желтой штукатуркой, а у меня за спиной, где пару мгновений назад сиял портал, теперь мягко шелестело море. Путь во внешний мир был закрыт.

Мне и не хотелось убегать. Мир Эпиона оказался вовсе не пугающим – никаких черных облаков и всполохов между ними, никакого зловещего замка, в котором умирают несчастные

пациенты. Не знаю, откуда взялся этот образ, потому что Леон мне ничего подобного не говорил. Напротив, он всегда хвалил Эпиону, и теперь я понимала, почему.

Это был солнечный, светлый мир, наполненный теплым морским ветром и ароматами цветов. Желтое здание не позволяло мне разглядеть, что находится за ним, зато я видела море, песчаный пляж, изумрудную траву и яркие цветочные клумбы. Здесь было хорошо и спокойно, и если не смотреть в небо, можно было подумать, что я не попала в кластерный мир, а приехала на юг, отдыхать.

Оглядевшись по сторонам, я обнаружила, что я на площадке не одна: меня встречали двое мужчин. Один из них не отличался от человека, хотя, конечно, обращал на себя внимание – он был огромен. Почти двухметрового роста, медвежьей комплекции; он бы напугал меня, если бы не добродушное выражение лица и очаровательная улыбка. Взгляд искристых голубых глаз был полон сочувствия и симпатии, и я не сомневалась, что он рад моему прибытию. Его волосы, в прошлом черные, теперь были почти выбелены сединой, хотя он не был стар – думаю, ему было не больше пятидесяти, а скорее всего, и того меньше.

А вот второй мужчина оказался настолько же отвратителен мне, насколько приятен был первый. Он был на две головы ниже того здоровяка, хотя это не делало его карликом, просто невысоким. Худой, но с выступающим животом, смуглый от солнца, кареглазый, темноволосый, уже заметно полысевший в относительно юном возрасте: ему было лет тридцать пять. Все это было не важно для меня, мой взгляд скользил от небольших козлиных рожек, венчавших его высокий лоб, к козлиным же ногам. Сатир, конечно. А по сути – козлина: пока я смотрела на него, он оценивающе разглядывал меня, и я прекрасно видела, где задерживаются его масляные глазки. Я читала о сатирах многое, и хорошего там почти не было.

К счастью, со мной заговорил не он. Первым ко мне подошел похожий на медведя дядька и осторожно пожал своими лапищами мою руку.

– Дара, здравствуйте! Примите еще раз мои соболезнования.

Я сразу же узнала его голос – и невольно вздрогнула. Именно этот голос пару недель назад сообщил мне о том, что моего брата больше нет. А значит, передо мной стоял Эрмин Тонанс, главный врач больницы.

Естественно, он тоже не человек – человеку бы не позволили возглавить Эпиону. Но, глядя на него, я никак не могла угадать, к какому виду он относится.

– Спасибо, но, если вы не против, я бы не хотела пока говорить о брате, – вздохнула я, отводя взгляд.

Это было чистой правдой. Мне было больно даже думать о Леоне, а говорить – тем более. Особенно с теми, кто, возможно, был виновен в его смерти. Пока я не разберусь, что с ним произошло, под подозрением остаются все.

– Конечно, я все понимаю, – смутился Эрмин. – Я не берусь даже представить, через что вы проходите. Но я все равно бесконечно рад, что вы с нами, нам всегда нужны молодые талантливые врачи. Это Флор Уинслоу, распорядитель общежития.

Сатир, обрадованный тем, что его представили, сделал шаг вперед. Судя по взгляду, он ожидал, что я протяну ему руку, которую он смог бы эффектно поцеловать. Да конечно! Я не собираюсь лишний раз дотрагиваться до того, кто воздействует на людей феромонами.

– Рада знакомству, – только и сказала я.

– Взаимно, – подмигнул мне Флор. Вот уж кто даже не собирался изображать траур!

– Путешествие вас не сильно утомило? – поинтересовался Эрмин.

– Нет, все в порядке.

– Приятно слышать. Тогда я предлагаю сделать вот что... Ваша интернатура начнется завтра, первый день мы всегда оставляем на адаптацию. Поэтому позвольте Флору отнести багаж в вашу комнату, а я пока покажу вам Эпиону. Это очень маленький мир, прогулка не займет много времени.

– Буду вам бесконечно признательна!

На самом деле, расклад был не такой уж идеальный: не хотелось мне отдавать свои вещи этому козлоногому типу. Он по всем параметрам походил на тех извращенцев, что натягивают на голову женские трусики или бегают голыми по парку! Но не могла же я сказать об этом... Да и потом, я понимала, что у главного врача не так много свободного времени. Возможно, это мой единственный шанс получить его в провожатые. Если бы я отказалась сейчас, потребовала время на отдых, завтрак и прочие удовольствия, он бы наверняка прислал вместо себя кого-нибудь другого.

Поэтому я позволила Флору утащить куда-то мои чемоданы, а сама отправилась с Эрмином. Мы вошли в желтое здание, но внутри не задержались, пересекли холл и вышли в другую дверь. По сути, эта постройка служила такими же воротами в Эпиону, как и фиолетовая площадка.

– Мы сейчас в общежитии, – пояснил Эрмин. – Почти все наши сотрудники живут здесь, у некоторых есть места для сна в больничных корпусах. Работа в Эпионе не позволяет путешествовать во внешний мир каждый день, но это нормально, почти со всеми кластерными мирами так.

Общежитие у них было роскошное – в классическом стиле, однако новое и современное. Здесь все оформили в теплых пастельных тонах, полы были выложены мрамором, на стенах я видела картины и подставки с магическими сферами – электричества в кластере не было, к этому мне еще предстояло привыкнуть.

Я знала, что комната, в которой жил мой брат, заперта и не тронута – меня заверили, что я смогу лично забрать его вещи. Там все было так, как он оставил, а значит, я могла получить ценнейшие улики в своем расследовании. Оставалось только набраться смелости и войти туда – а я пока не могла. Поэтому я и сосредоточилась на экскурсии, которую устроил для меня Эрмин.

Это был удивительно красивый мир, и я начинала понимать, почему Леон отзывался о нем с таким восхищением. За главными дверями общежития начиналась широкая дорога, вымощенная шоколадного цвета брусчаткой. По обе стороны от нее поднимались живые стены из розовых кустов, покрытых крупными цветами всех оттенков красного – я раньше не видела таких нежных бархатных лепестков, каждый из них был настолько совершенен, что без магии тут наверняка не обошлось, но такая магия не коробила даже меня. Их насыщенный аромат переплетался с соленым ветром, он парил над этим миром, совсем как небо, лишенное солнца.

Дорога вела к главному корпусу больницы, и если общежитие лишь стилизовали под старину, то больница была несомненно старой – огромный замок, выстроенный из серых и бежевых камней. Однако она поддерживалась в отличном состоянии, ни о какой ветхости и речи не шло.

Высокое здание с пятью этажами. Здание, убившее моего брата. Я перевела взгляд на покрытую черепицей крышу и невольно вздрогнула, подумав о том ужасе, который Леон испытал в последние секунды жизни. Говорят ведь, что большинство самоубийц, прыгающих с большой высоты, разочаровываются в своем решении во время полета, а исправить ничего не могут. Для моего брата все обстояло еще хуже: падая вниз, он понимал, что у него только что украли жизнь.

Да, я отказывалась верить, что Леон на самом деле покончил с собой.

Эрмин заметил мою реакцию и понял ее правильно.

– Вы познакомитесь с больницей завтра, – мягко сказал он. – Сейчас я просто покажу вам этот мир, нам не обязательно заходить внутрь.

– Спасибо...

Я и правда не готова была войти, только не сегодня. Но мы все равно подошли ближе, и я заметила, что главная дорога упирается в двери больницы, а до этого от нее ответвляется

небольшая дорожка, тоже мощеная брусчаткой, скользит через розовые кусты и подводит к отдельному входу в башню, примыкающую к замку.

– А что там? – спросила я.

– Отделение доноров. Пациентам для прогулки нужно обязательное позволение врачей, мы очень внимательно за этим следим, а вот наши доноры здоровы, они не пленники, поэтому могут гулять когда им угодно.

Я слабо представляла, зачем тут живут доноры, но решила пока не спрашивать. Леон упоминал, что Эпиона во многом отличается от человеческих больниц, и теперь мне предстояло познакомиться с этими отличиями.

Как и обещал Эрмин, мы не стали заходить внутрь, вместо этого мы обошли замок по кругу. У этого места была удивительная атмосфера покоя, и хотя я ни на секунду не забывала о том, что здесь погиб мой брат, запах роз и шелест волн умирляли мою ярость.

Со стороны башни больница почти вплотную примыкала к морю. Нужно было лишь пересечь ярко-зеленую лужайку – и ты уже на пляже.

– Внешняя граница кластерного мира находится в море, – предупредил меня Эрмин. – Поэтому не волнуйтесь, вы ее точно не пересечете.

Спорный момент, конечно, – хорошо это или плохо. С одной стороны, человек вроде меня, не умеющий использовать порталы, мог бы сбежать через эту границу во внешний мир. А с другой стороны, это мало помогло бы мне, если бы я упала прямо в жерло вулкана. Я понятия не имела, где расположена Эпиона, поэтому предпочитала не рисковать.

За больницей обнаружился высокий сосновый лес, светлый, наполненный запахами хвои и смолы. Среди янтарных стволов стелились ковры из мягкого зеленого мха, дальше начинался пляж, и это напоминало мне балтийское побережье.

– Скажите, сколько людей сейчас работает в Эпионе? – полюбопытствовала я, когда мы прогуливались по песчаной тропинке, вившейся между сосен.

– Только вы, дорогая.

– В смысле? Как это возможно?

– Люди нечасто берутся лечить нелюдей, по многим причинам, – признал Эрмин. – Даже те, кто проходит соответствующее обучение, предпочитают остаться во внешнем мире, в кластерах им неуютно. Ваш брат стал первым штатным врачом-человеком, начавшим работать в Эпионе, и мы очень этим гордились. В основном же тут бывают люди-интерны, но сейчас их нет.

Да уж, Леон был единственным – а протянул всего два года. Вот поэтому мне нельзя расслабляться, поддаваясь красоте этого мира, я должна понять, что здесь не так.

С другой стороны больницы раскинулась роща цветущих акаций. Удивительное дело, но при таком обилии ароматов в этом небольшом мирке они не смешивались, не давили, не вызывали головокружение. Все было продумано так, что на розовой аллее ты дышишь розами, в лесу – соснами, а в этой роще правил бал тонкий и сладкий запах акаций, которым наполняли воздух белые облака цветов. Сами акации были почти такими же высокими, как сосны, и очень старыми. За их черными стволами и пушистыми кронами просматривалось здание – поменьше, чем больница, но такое же древнее. От главного корпуса к нему тянулась дорожка, вымощенная гладкими черно-серыми камнями. Она начиналась от бокового входа и была далеко от главной дороги, а значит, ходить здесь можно было не каждому. Я хотела идти по ней, но Эрмин мягко остановил меня, положив свою массивную ручищу мне на плечо.

– Не стоит, – сказал он. – Мы оба знаем, что вы пока не готовы даже к главному зданию, а туда вам и подавно не нужно заглядывать.

– А что там?

– Морг.

Вот так, значит... Оказалось, что у Эпионы, которую я уже представляла островом, были плохая и хорошая половины. На хорошей были построены общежитие и больница, где помогали остаться в живых. На плохой половине располагались морг, отделение для неизлечимо больных и кладбище. Конец игры.

Там мог остаться и мой брат, и хотя последний покой он нашел во внешнем мире, я и правда не желала смотреть на могилы. И снова Эрмин все понял правильно. Он просто рассказал мне, что находится на той стороне, и оставил за мной право идти туда, когда я буду готова.

Он не мог возиться со мной весь день, поэтому мы разошлись. Ему предстояло вернуться к работе, ну а я была свободна до завтрашнего дня. Дел у меня хватало: нужно было разобрать вещи, пообедать, возможно, заглянуть в комнату Леона, хотя я сомневалась, что решусь на это. Но пока я вообще не хотела встречаться с нелюдями.

Упоминание кладбища и морга заставило меня сосредоточиться на том, ради чего я пришла сюда. Не на замки смотреть и не цветочки нюхать! Я на вражеской территории, никому нельзя доверять; Леон уже поверил им, и к чему это привело?

Проклятые слезы снова жгли глаза, слишком остро я почувствовала, как мне не хватает брата. Мне нужно было время, чтобы прийти в себя, нужно было одиночество. Поэтому вместо того, чтобы вернуться во владения козлоногого Флора, я отправилась на побережье за сосновым лесом.

Сюда, похоже, мало кто приходил, из окон больницы этот участок пляжа не просматривался, и я была уверена, что мне не помешают. Я села на бело-желтый песок, скрестив ноги по-турецки, и глубоко вдохнула свежий морской воздух. Успокойся, Дара. Да, тебе тяжело сейчас, но ты справишься. Кто, если не ты? А что придется принять одиночество и жить с ним... привыкай, теперь всегда так будет. Леона больше нет, тебе никому нельзя доверять. Не важно, как страшно и сложно тебе будет, ты все выдержишь...

Мой депрессивный аутотренинг был прерван самым бесцеремонным образом.

– Тебе здесь не место, – заявил мужской голос, которого я прежде не слышала. – Так что хватай вещи, пока они не разобраны, и вали обратно к своим.

После елейных речей Эрмина это было настолько неожиданно, что удивление во мне пересилило злость. К тому же, я не слышала, как кто-то подошел ко мне, а это на меня не похоже! Оборачиваясь, я понятия не имела, кого увижу, не знала, что сказать. Когда я обнаружила моего неожиданного собеседника, легче не стало.

Неподалеку от меня стоял молодой мужчина – немногим старше тридцати, как мне показалось. Высокий и подтянутый, в черной кожаной одежде, он больше походил на какого-то солдата, а не на врача или пациента. Кожа золотистая, но не выгоревшая на солнце, как у Флора, а такая от природы, волосы черные и длинные, неровно подстриженные так, что несколько прядей падали на лицо, глаза светлые – серебристо-голубые, сложного оттенка, какого у людей, пожалуй, не бывает. Красивый, зараза! Но красота эта пропала даром, и не потому, что он агрессивный хам, а потому, что мужчина, стоявший передо мной, давно умер.

Нет, я не видела на нем никаких ран – зато я видела сосновый лес сквозь него. Мой собеседник был полупрозрачным, а мои не такие уж скромные познания о мире магии подсказывали, что это отличительная черта тех, чье тело уже покинуло этот грешный мир, а дух почему-то решил задержаться.

– Ты еще кто? – поинтересовалась я. Он первым начал хамить, вот и я не планировала изображать милую девочку.

– Какая разница? Ты все равно здесь не удержишься.

Он подошел ближе. На песке под его ногами не оставалось следов.

– С чего бы это?

– Потому что ты не врач, – пояснил он. – Ты охотница, это часть тебя, ты этого не изменишь.

Вот оно что... Я-то уже испугалась, что этот призрак умудрился прочесть мои мысли, разобрался в моей вендетте и теперь готов защитить Эпиону любой ценой. А он просто решил, что я не туда свернула в карьерном лабиринте!

– Почему ты считаешь, что я охотница?

– Потому что я и сам был воином когда-то, я таких за милю чую.

– Да? Ну так чуйку тебе придется унять, потому что я никуда отсюда не уйду.

Я демонстративно отвернулась к морю, давая понять, что наш разговор окончен. Я только-только отгородилась от мыслей о брате, и от присутствия рядом призрака мне было не по себе. Однако он не спешил уходить, он подошел ближе и тоже сел на песок.

– Так, я не знаю, кто ты и кто тебя грохнул, но это точно была не я, – нахмурилась я. – Или ты нашел цель для своей посмертной жизни: добиться моего увольнения?

– Сомнительная цель, – хмыкнул он. – Вообще-то, обращаясь к тебе, я был уверен, что ты меня не услышишь. Понимаешь ли, каждый призрак – это как отдельная радиоволна. Нас почти никто не видит, исключение составляют разве что медиумы, которые появляются в Эпионе крайне редко. Но иногда бывает, что две души просто существуют на одной волне, и тогда не важно, живые они или мертвые, они могут видеть друг друга. Смею предположить, что это наш случай. За минувший год ты – первый не-медиум, который сумел меня увидеть. А это дорогого стоит, когда ты месяцами говоришь с деревьями, камнями и трупами, потому что больше не с кем. Скажу прямо: ты не в моем вкусе, и не очень-то ты мне нравишься. Но поскольку выбора у меня все равно нет, я не отстану от тебя до тех пор, пока ты в Эпионе.

Елки... Какая-то я все же невезучая.

Глава 3

Болотное чудовище

Я никогда не думала о том, что во мне есть ведьминская кровь. Когда твой дед ненавидит любой вид нечисти, а ты наследуешь от него эту ненависть, признавать такое родство не хочется. Да и потом, я не собиралась колдовать, а в остальном между людьми и ведьмами нет отличий. По крайней мере, так я думала все двадцать семь лет своей жизни. Теперь же я начала подозревать, что именно благодаря трем каплям ведьминской крови, доставшимся мне от моей беглой маменьки, я могла видеть этого доставучего призрака.

– Это нормально вообще – начинать знакомство с девушкой с признания, что она тебе не нравится? – поморщилась я.

– Я просто честный.

– Теперь понятно, за что тебя убили.

Он и бровью не повел:

– Вообще-то, не за это, но какая уже разница? Меня видишь только ты, так что будем привыкать друг к другу.

– Отстань.

Но избавиться от призрака оказалось сложнее, чем я думала – а думала я об этом ровно столько, сколько знала его. Ему не нужно было даже идти за мной, он просто появлялся на моем пути. При иных обстоятельствах я бы не отказалась от настойчивого внимания со стороны такого красавчика – если бы он был человеком и живым. Но на кой мне призрак нелюдя, да еще и хамоватый?

– В этом общении есть интерес для нас обоих, – заявил он.

– Это какой же? Твой интерес понятен: тебе больше не с кем поговорить, и ты будешь таскаться за мной, чтобы не сойти с ума от одиночества, хотя я вовсе не уверена, что это еще не случилось. Но в чем моя выгода? Зачем мне агрессивная версия Каспера?

– Не напоминай призраку, что он призрак, это не политкорректно.

– Пожалуйся... хотя кому ты можешь пожаловаться, если тебя никто не видит? – Я уверенно прошла сквозь него, направляясь к общежитию. Мне казалось, что при этом я почувствую хоть что-то – холод или тепло, или влажное облако тумана. Но призрак был таким же неосязаемым, как голограмма.

– Я тебе нужен, потому что ты новенькая здесь и, похоже, мало что знаешь об этом мире. Ты бывала в кластерах раньше?

– Тебя это не касается.

– Значит, нет, – заключил он. – Я на своем веку больше сотни посетил, да и здесь уже несколько лет шатаюсь. Я могу быть тебе полезен.

Вот тут он попал в точку. С таким провожатым мне было бы проще разобраться в смерти Леона, я бы не тратила время на изучение Эпионы. Но для этого мне пришлось бы рассказать призраку, ради чего я здесь на самом деле, а на такое я пойти не могла.

У меня ведь не было никаких доказательств того, что он говорит правду. Ну представился он несчастной заблудшей душой, и что? Я вот вдохновенной стажеркой представляюсь, и прокатывает. Он может врать точно так же, как и я. Что если он вообще не призрак, а не в меру разговорчивое заклинание, которым меня пытаются испытать? Нет уж, спасибо, я не поддамся на такой примитивный трюк.

Мой дед не раз говорил, что люди не должны доверять нежити. А призрак – это самый классический вариант нежити, примера лучше и не найти.

Поэтому я продолжала игнорировать его, а он продолжал мелькать вокруг меня. У самого выхода из соснового леса я не выдержала.

– Слушай, как тебя зовут?

– То есть, ты решила принять мое предложение? – оживился он.

– Нет, я решила проверить, не удастся ли мне изгнать тебя, как демона, зная твое имя.

– Ты – сама доброта. А имени у меня больше нет.

– Что, тебя действительно можно изгнать?

– Нет, – посерьезнел он. – Тот, кому принадлежало это имя, был живым. Ему не пришлось унижаться, гоняясь за человеком, которому он даром не нужен.

Мне стало его почти жаль – но только почти. Я запретила себе эту жалость, равно как и попытки стать на его место. Во-первых, он сам виноват в том, что происходит, он наш разговор не с комплимента начал. Во-вторых, я ведь поклялась не заводить тут друзей, и воображаемых друзей это тоже касается.

– Но мне ведь нужно какое-то имя, чтобы ты точно понимал: я отсылаю вон именно тебя, – указала я.

– А вот мне оно не нужно. Так что тебе надо – ты и придумывай.

Он надеялся меня этим пристыдить или смутить? Размечтался! Я еще раз внимательно осмотрела его, прикидывая, как можно назвать призрака – это ж не собаке кличку дать!

В принципе, он был отдаленно похож на актера Тома Хиддлстона. Актер мне нравился, имя – нет, еще со времен «Тома и Джерри». Так что, учитывая его длинные волосы и общую болтливость, оставался лишь один вариант...

– Локи.

– Да ладно, – фыркнул он. – Ничего умнее не придумала?

– А какое имя, по-твоему, умное, Эйнштейн? Я выбираю то, что мне удобней. Не нравится – говори, как тебя зовут на самом деле.

– Никак.

– Тогда будешь Локи.

Он надулся, но от меня не отстал. Я видела, что это смирение дается ему нелегко, и мне оставалось лишь догадываться, как долго он был тут совсем один, прежде чем дошел до такого состояния. В моей душе снова мелькнула жалость – которую я снова погасила.

Локи – имя трикстера, бога, которому нельзя доверять. Хорошее напоминание для меня, между прочим.

– Тебе со мной просто будет спокойней, – рассуждал он. – Люди в Эпионе бывают редко, и не все отнесутся к этому с восторгом.

– И чем же ты мне поможешь, опытом поделишься? Учитывая, что ты мертв, – нет, спасибо!

– Я тебе подскажу, с кем можно общаться, а от кого лучше держаться подальше. Раз уж ты показательно забыла о вежливости, я тебе тоже скажу честно: человек слаб по сравнению с той публикой, что здесь обитает. Ты будешь смотреть на них и видеть перед собой обычных людей, милых соседей, а они тем временем будут прикидывать, удастся ли им тебя сожрать, когда ты заснешь.

– Локи, сгинь.

– О чем я и говорю: ты совершенно не готова к миру, в который попала!

Вот тут он был не прав: я была готова. Я просто не хотела говорить об этом ему.

Когда мы снова оказались в окружении нелюдей, я украдкой присматривалась к ним, пытаюсь понять, видят они Локи или нет. Они и правда его не замечали, так что вряд ли меня хотели разыграть, и это плюс. А еще он вполне мог оказаться моей галлюцинацией, последствием травмы, полученной при пересечении портала, и это минус.

Не зная, что с ним делать, я решила не делать ничего. Он продолжал кружить вокруг меня и убеждать меня в чем-то, а я его просто игнорировала, как белый шум.

Я вернулась в общежитие к обеду и сразу направились в ресторан. Найти его оказалось несложно, на первом этаже повсюду висели указатели на нескольких языках, да и запах с той стороны долетал вполне аппетитный, однако мне все равно было не по себе. Эрмин сказал, что я тут единственный человек. Есть ли в этом месте пища, подходящая для людей? А что если здесь готовят *из* людей? Мамочки... Нет, я, конечно, знала, что по международным магическим законам это запрещено. Но я ведь по умолчанию объявила всех нелюдей плохими ребятами, мне следовало ожидать от них чего угодно.

Поэтому к шведскому столу я подходила с опаской. Однако все оказалось не так плохо: я будто попала в самый типичный дорогой отель. В металлических лотках, с подогревом и без, размещались привычные блюда: салаты, рыба, макароны с мясом, фаршированная утка, чесночные булочки с сыром, чуть дальше – творожный торт и шоколадное печенье.

Мое облегчение было настолько очевидным, что Локи, сновавший вокруг меня, тихо рассмеялся:

– А ты что, ожидала увидеть здесь Красную Шапочку в кляре и Гензеля с Гретель в картофельном пироге?

– Не твое дело, – еле слышно ответила я.

Я ни на секунду не забывала, что его вижу только я. На меня и так уже пялились с подозрением, не хватало еще, чтобы они заметили, как я разговариваю сама с собой!

– Нет, в чем-то ты права, – продолжал трындеть Локи. Ему-то сдерживаться было без надобности! – Здесь есть особое меню – та же свежая кровь для тех, кому она необходима. Но такие блюда выдаются только по специальным разрешениям, так что случайно ты ангельское крылышко не обглодаешь.

– Тебе обязательно быть таким отвратительным?

Я говорила тихо, но массивный орк, набравший картофельный салат неподалеку от меня, покраснел и сделал шаг назад:

– Простите, я не хотел...

Супер. Мы с этим призраком знакомы чуть больше часа, а проблемы уже начались. Я твердо решила: нельзя ему больше отвечать, ни одного слова. Может, тогда он оставит меня в покое.

Но если на Локи я могла не смотреть и даже проходить сквозь него, то с Флором Уинслоу этот трюк не работал. Козлоногий встречал меня с моими чемоданами и похабной ухмылочкой.

– Нечасто у нас бывают чистокровные люди, особенно такие божественно красивые, – проблеял он.

– Началось, – поморщился Локи. – Если его следующей фразой будет «вашей маме зять не нужен», я даже не удивлюсь.

– Спасибо, – сдержанно кивнула я. – Мне казалось, что вы оставите вещи в моей комнате и просто передадите мне ключ.

– Как я мог упустить шанс пообщаться с такой богиней чуть дольше?

– Интернатура длится год, еще наобщаемся.

Естественно, я не собиралась оставаться здесь год. Я хотела разобраться со смертью брата и валить отсюда на космической скорости. Но не рассказывать же об этом существу, при взгляде на которое фраза «Мужики – козлы!» обретает совершенно иной смысл.

– Много красоты не бывает, красоты бывает мало, – заявил Флор. Он перехватил мою руку и вложил в нее ключ так, что за один этот жест ему можно было ставить на лоб штамп «18+».

– Постарайтесь не касаться меня лишний раз, – холодно посоветовала я.

Кто-то другой на его месте смутился бы, а он продолжил улыбаться.

– Ничего не могу с собой поделатъ, дорогая, в ваших глазах можно утонуть!

– У нее глаза карие, в чем эта скотина тонуть собралась? – хохотнул Локи.

Мне захотелось улыбнуться, но я сдержалась, потому что не сомневалась: Флор воспримет эту улыбку как свою победу. А мне нужно было отвадить этого козлика от чужого огорода, и срочно.

– Пожалуйста, не трогайте меня и не называйте дорогой. Я здесь по работе, а не для новых знакомств.

– Как можно, звезда моя...

– Звездой тоже не надо, – прервала я. – Если я сейчас начну перечислять все эпитеты и метафоры, которые не надо в меня швырять, понадобится целый день. Поэтому поступим проще: называйте меня просто Дара, этого будет достаточно.

– Но как же я могу...

Пришлось снова перебивать:

– Сможете, а иначе нам с вами придется обсуждать нормы вашего поведения с доктором Тонансом.

Упоминание имени главного врача произвело должный эффект: сатир поджал губы, его взгляд из сального сделался злобным.

– Как вам будет угодно, Дара. Комната триста тринадцать.

Из мстительности он не стал относить туда мои чемоданы, просто отдал мне ключ и поцокнул прочь на своих черненьких копытцах. Но это, честно, была малая цена за то, чтобы больше с ним не объясняться. Я свои чемоданы сама донесу, не хрупкая девочка!

Но если он ушел, то полупрозрачное присутствие Локи никуда не делось.

– Ловко ты его отшила! – оценил он.

– На самом-то деле, банально.

– Это как сказать. Сатиры редко надеются на свое мужское обаяние, потому что у них его попросту нет. Разговаривая с девушкой, которую им хотелось бы поставить в позу козочки, они выпускают феромоны из всех щелей. Наш округлый друг делал то же самое – не в полную силу, но настойчиво, а ты отбрила его без особых усилий. Я впечатлен.

Не хотелось признавать, что Локи в чем-то может быть прав, но – да, тут он был прав. Мне следовало догадаться, что Флор сразу же попытается проверить, легко ли будет меня получить. Однако я была настолько зла, когда пришла сюда, что даже не почувствовала этого, а разозлил меня как раз Локи. Так что этот призрак внезапно оказался полезным, а еще...

Еще хищник, которого я всегда чувствовала в себе, больше не спал. Он проснулся, когда умер Леон, и жаждал мести. И этот хищник не готов был отдать свою свободу и волю какому-то жалкому сатиру.

Локи плелся за мной до самой комнаты, но когда мы добрались до порога, я не выдержала.

– Оставь меня в покое, – громко и четко сказала я. Здесь все равно никого больше не было. – Я серьезно. Я нашла способ избавиться от козлины – и избавлюсь от тебя, если будет нужно. Может, остальные тебя и не видят, но они поверят мне, если я скажу, что ты здесь. И уж конечно в Эпионе найдутся те, кто знает, как изгонять призраков!

Мне не хотелось доводить до этого, но я должна была оставаться твердой до конца. У меня есть цель, и я не хочу становиться нянькой для неупокоенного духа.

Он посмотрел на меня как-то странно, по-новому, но этот взгляд я не совсем поняла.

– Хорошо, – сказал Локи. – Но если я понадобится тебе, позови меня. Можно даже использовать то дурацкое имя, которое ты на меня навесила.

Сказал – и исчез. Просто растворился в воздухе, будто и не было его здесь никогда, и в комнату я входила уже без него.

Мое временное жилище оказалось гораздо лучше, чем я ожидала. Мне доводилось жить в общежитиях, поэтому я готовилась к выкрашенным краской гладким стенам, обшарпанной казенной мебели и сантехнике, которая видела на своем веку слишком много. А вместо этого я получила нечто вроде квартиры, и очень даже уютной.

Комната тут была всего одна, зато большая – размером с две стандартные комнаты, метров тридцать, наверно, не меньше. Ее заполняла подобранная со вкусом антикварная мебель: двуспальная кровать, письменный стол, книжные полки, комод, зеркало, ночной столик, сундук и платяной шкаф. Под потолком висела люстра из цветного стекла и металла, перекликавшаяся по стилю с торшером у кровати и настольной лампой. Темно-вишневый цвет мебели уравновешивали светло-бежевые стены, не дававшие комнате превратиться в пещеру. Высокие окна выходили на побережье, и, открыв их, я почувствовала свежий запах моря.

К комнате примыкала ванная, которая, по-моему, была больше, чем моя спальня в доме бабушки. Там соседствовали большая ванна с подведенными к ней медными трубами, душевая кабина с затемненным стеклом, раковина, унитаз, иронично напоминавший трон, и полки с таким обилием косметики, что позавидовал бы среднестатистический супермаркет.

Я не забыла, что я тут на задании и что задание это непростое. Но я вдруг подумала, что выполнять его будет приятней, чем я ожидала.

Остаток дня я провела за разбором вещей. Я слышала, как ходят по коридору другие обитатели общежития, как кто-то разговаривает в комнате надо мной, а кто-то слушает музыку за стеной. В моей же спальне царила тишина, напоминавшая, что я совсем одна в этом мире. Одна в толпе – это оказалось сложнее, чем я предполагала.

Может, болтовня Локи была не так уж плоха?.. Господи, о чем я думаю! К черту Локи, все должно идти по плану. Впрочем, вера в это не мешала мне украдкой осматривать зал ресторана, когда я спустилась на ужин. Я все надеялась, что где-нибудь мелькнет знакомый полупрозрачный силуэт, и злилась на себя за это. Но призрака нигде не было, и даже Флор обходил меня стороной, с видом униженным и оскорбленным.

После ужина я вернулась в свою комнату и оставалась там до темноты. В мире, где нет солнца, можно было ожидать резкой смены дня на ночь, но нет, темнело постепенно, совсем как при закате, которого, к сожалению, не было. А еще тут не было звезд и луны, так что тьма, сгустившаяся над Эпионой, была крошечной. Ее рассеивали разве что небольшие фонарики, установленные вдоль стен общежития, но их робкий свет едва долетал до моей комнаты, расположенной на третьем этаже.

Казалось бы: для крепкого сна как раз нужна абсолютная темнота, но мне вот не спалось. Я лежала на незнакомой кровати, укрывшись до подбородка новым одеялом, и – слушала. В этом мире было очень много звуков: волчий вой и надрывный, почти истеричный смех, тяжелый стук копыт и вязкое хлюпанье, рычание и измучанные стоны. Все это долетало в мою пугающе большую комнату с разных сторон, напоминая мне, что я сейчас единственный человек в мире, полном чудовищ.

Для скольких из здешних обитателей я – еда? А для скольких – игрушка, как для того сатира? Что со мной случится, если я засну? У меня ведь почти не осталось родни: мой дед слишком стар, чтобы что-то предпринять, если меня не станет. Знают ли они об этом?

Я снова и снова напоминала себе, что я – потомственная охотница, и я не просто так пришла в Эпиону. Днем этого было достаточно, ночью – нет. С наступлением темноты я почему-то превращалась в самую обычную человеческую девушку, слабую, лишенную оружия. Тот же Флор мог вломиться в мою комнату, и что бы я делала тогда? Без оружия я могла не отбиться даже от него, не говоря уже о тех тварях, чьи массивные силуэты я видела в ресторане!

Хотелось плакать от страха и бессилия, но я крепилась, держалась из последних сил, пока не услышала странный шорох. По сравнению с другими звуками этого кластера, он был относительно тихим, но он раздавался совсем близко... в моей комнате.

Что-то ползало по моей комнате.

Эта мысль заставила меня подскочить на кровати, испуганно вглядываясь в темноту. Я надеялась, что мне чудится, не зря ведь говорят, что у страха глаза велики. Так нет же, стало только хуже: я заметила, как по полу скользнуло что-то небольшое, бесформенное, оставив за собой вязкий след. Я не смогла рассмотреть его при куцем свете далеких уличных фонариков и попыталась включить торшер. Только вот мне остро не хватало спокойствия, присущего охотникам за нечистью, и в панике я просто сшибла единственный источник света, повалив его на пол.

Теперь мне оставалось лишь сидеть на кровати, кутаясь в одеяло, и дрожать от ужаса. Чтобы включить основное освещение, мне нужно было встать и пересечь комнату. Пройти босыми ногами по полу, на котором остались скользкие следы! Да, тот уродец, что прокрался в мою комнату, был небольшим. Но я понятия не имела, что это такое и на что оно способно! Я была здесь совсем одна, мне некого было позвать на помощь...

И когда в мою дверь вдруг постучали, я подумала, что умру на месте от разрыва сердца. Вот только это был не яростный стук, с которым маньяки в фильмах ломаются в комнату беззащитной жертвы, а вполне мирные удары. За ними последовал низкий голос, чем-то похожий на звуки трубы.

– Простите, вы еще не легли спать? Мне не хочется вас беспокоить, но не могли бы вы открыть дверь?

– Вы кто? – спросила я. Прозвучало резко, но, по крайней мере, голос не дрогнул. Тот, кто является ко мне посреди ночи, может не рассчитывать на теплый прием. Вместе с тем, я не хотела, чтобы этот кто-то уходил, потому что скользкая тварь все еще таилась где-то в моей комнате.

– Я доктор Бобе, ваш сосед из триста двенадцатой.

– И что вам нужно тут в час ночи?

– Мне ужасно неловко, но, кажется, к вам пробралась моя селезенка.

– Ваша... что?!

– Моя селезенка, – терпеливо повторил он. – Откройте, пожалуйста, дверь, я заберу ее и больше не буду вам докучать.

Все это было настолько абсурдным, что пробилося даже через мой страх. Преодолев брезгливость, я спрыгнула с кровати, сначала включила свет, а потом уже распахнула дверь. Уж не знаю, каким чудом мне удалось не завопить от ужаса, но то, что я увидела на пороге, только на это и вдохновляло.

Больше всего это было похоже на груды болотной грязи, но – очень большую, с меня высотой. И если бы это была просто грязь, я бы не испугалась. Но *нечто* было покрыто пульсирующими сосудами, мягкими наростами, а откуда-то из глубины на меня смотрел единственный мутный глаз. Оно дышало, двигалось и, несомненно, было живым. Если бы оно решило броситься на меня сейчас, я, застывшая от изумления, и пикнуть бы не успела.

Но я его не интересовала. Из грязевой плоти вырвалось щупальце, похожее на древесный корень. Оно устремилось в угол моей комнаты, выволокло из-под комода извивающийся комочек бурой слизи и всосало внутрь кучи.

– Премного благодарен, – пробубнило существо. – Это больше не повторится, просто комната долго пустовала, вот она и пробралась сюда.

Не дожидаясь моего ответа, оно поползло прочь, словно ночная охота на селезенку была тут в порядке вещей. А я осталась одна перед комнатой, исчерченной грязевыми полосами, и поняла, что меня трясет от страха и отвращения. Я вдруг очень четко представила, что было бы, если бы я заснула, а эта слизкая тварь заползла мне на лицо.

Вот тогда я и сделала то, что моя гордость наверняка мне еще припомнит. Я закрыла глаза и прошептала:

– Локи...

Он мог и не появиться. Был бы он живым, он наверняка не услышал бы этот шепот. Тогда мне пришлось бы справляться со всем одной, зато моя совесть была бы довольна: я не проявила слабость и выдержала все до конца.

Но нет, в следующую секунду он материализовался из воздуха прямо передо мной, словно только этого и ждал.

– Что, познакомилась с соседом? – усмехнулся он.

– Только не говори мне, что все это устроил ты, – нахмурилась я.

– Шутишь? Бобе – болотное чудовище, он постоянно разваливается на части, для него это нормально. А я всего лишь пытался сказать тебе, что в этом мире все время так, иначе и быть не может, если ты соберешь на одном островке земли представителей разных видов. Кстати, классная пижамка. Если бы у меня все еще была функционирующая половая система, я бы оценил.

Я только теперь сообразила, что стою перед ним в тонкой пижаме – шортиках и топе с кружевными вставками, который, в общем-то, ничего и не скрывал. Такой меня увидел и доктор Бобе, но болотному чудовищу было плевать, равно как и призраку.

Я поежилась и кивнула на комнату:

– Заходи, пошляк.

– Пошляк? О нет, сейчас я целомудреннее монашки. Хотя это вынужденное. Да ладно, не косись на меня злой кошкой, мне не помешает сделать что-нибудь полезное, а тебе нужна помощь.

– А где обязательное «я же говорил»?

– Оно не обязательное, оно по желанию, а желания у меня нет, – пожал плечами Локи. – Мы оба знаем, что я не материален и не смогу тебя защитить. Зато я смогу тебя разбудить, если будет нужно, и ты можешь спать спокойно.

Аргумент был сомнительный: я встретила этого призрака только сегодня и точно не могла доверить ему свою жизнь. Я была больше чем уверена, что меня ждет бессонная ночь как минимум сегодня... а потом я забралась в кровать и, чувствуя, что я больше не одна, мгновенно заснула.

Глава 4

Гамадриада

Доктор Бобе отвечал в Эпионе за грязелечение – привет от Капитана Очевидность. Комок грязи был дипломированным врачом с ученой степенью. К этому мне еще предстояло привыкнуть, как и к тому, что рядом со мной постоянно находился призрак. Утром я, если честно, пожалела, что позвала его на помощь, гордой воительнице, которую мечтал воспитать во мне дедушка, это не нравилось. Но прогонять его теперь, когда он пришел ко мне по первому зову, было некрасиво. Я решила смириться с его присутствием и посмотреть, к чему это приведет.

Он проявил благородство истинного джентльмена, не напомнив мне, что я поддалась панике и позвала его. Когда я проснулась, он сидел на дальнем окне и наблюдал за морем. Я не стала его благодарить, он этого и не ожидал. Думаю, можно было сказать, что у нас перемирие.

На этот день у меня была назначена первая практика – вместе с другими интернами, всего нас набралось человек шесть. Вернее, шесть существ, потому что Эрмин не соврал: я и правда оказалась единственным человеком в Эпионе.

Было немного странно вернуться в интернатуру после того, как я мужественно прошла ее во внешнем мире и успела побыть полноценным врачом. Но не могу сказать, что это стало для меня чистой формальностью: я и правда ощущала себя студенткой, причем не выпускницей, а первокурсницей. Цена моих медицинских познаний в Эпионе была невысока, и я подозревала, что вот-вот опозорюсь.

На мою удачу, никто и не ждал, что интерны будут работать самостоятельно. К каждому из нас приставили куратора, который был призван следить за тем, чтобы мы не отправили какого-нибудь бедолагу на тот свет своим лечением.

Моим куратором оказался здоровяк средних лет, который издавна был похож на вышибалу в дорогом клубе, а вблизи – на фитнес-модель. Неземным красавцем я бы его не назвала, но широкая улыбка и сияющие темно-карие глаза определенно придавали ему шарма. Да и голос у него был приятный: вкрадчивый, но без театральности, очень ровный и мягкий. Если бы все доктора говорили таким голосом, жизнь пациентов была бы намного спокойней.

– Хакир Алла к вашим услугам, – он чуть наклонил голову, приветствуя меня. – Я старший врач и буду рад помочь вам во время интернатуры.

– Он будет слаще только если намажет лысину медом, – проворчал Локи.

Я украдкой отмахнулась от него. Просила же молчать, пока рядом посторонние!

– Дара Сотер, – представилась я. – Ваше имя кажется мне знакомым... вы случайно не знали моего брата?

Вопрос был не более чем вступлением, подводом к нужной теме: Леон упоминал это имя слишком часто, чтобы я его забыла. Я знала, что так звали его друга, но не представляла, как этот друг выглядит. Теперь вот выяснила.

Улыбка Хакира померкла.

– Да, я знал вашего брата, и очень хорошо. Мне до сих пор сложно поверить, что это случилось.

– Мне тоже.

– Знаете, когда все только произошло, я даже решил, что это убийство, – неожиданно заявил он. – Леон не мог покончить с собой, просто не мог, так мне тогда казалось! Я решил все проверить.

– Почему я про брата слышу впервые? – удивился Локи.

Но мне сейчас было не до него, я не сводила глаз с Хакира.

– И как, проверили?

– Да, проверил, и не нашел ничего подозрительного. Я понимаю, иногда сложно поверить, что человек, которого ты вроде как хорошо знаешь, может совершить такой поступок. Но что еще остается? Только привыкнуть и жить дальше.

Черта с два.

– Я и живу, – соврала я. – Поэтому я здесь. Мне кажется, Леон делал очень важное дело, которое я хочу продолжить.

– Это очень благородно с вашей стороны. Он упоминал, что вы блестящий хирург, но программа интернатуры, на которую вы поступили, подразумевает многогранное обучение, которое начинается в этом отделении. Пойдемте, я покажу вам первый этаж.

Сразу за холлом и регистратурой, которые ничем не отличались от привычных мне, начался просторный приемный покой. Вот здесь уже отличия были – и это еще мягко говоря! Если врачи старались сохранять облик обычных людей, то пациенты таким не заморачивались. Мимо меня мрачно прохромал кот размером с газонокосилку, хриплый человек-пень втолковывал что-то медсестре, тоненькая хлипкого вида девушка доказывала врачам, что ей не нужны таблетки, а нужна операция. Здесь попадались существа всех возрастов, размеров и форм. Некоторые были совсем не похожи на людей, другие и вовсе не выглядели живыми.

– Сюда попадают те, кому не нужно оставаться в больнице, – пояснил Хакир. – Мы осматриваем их и сразу назначаем лечение.

– То есть, это такой эквивалент человеческой поликлиники?

– Не совсем. К нам приходят те, у кого серьезные проблемы со здоровьем. Эпиона – кластерный мир, сюда непросто попасть. Никто не проделывает такой путь, чтобы вылечить насморк. В то же время, наша больница славится лучшими показателями лечения, у нас очень низкая смертность.

– На правах местного призрака, готов подтвердить: замечательно лечат, – вклинился Локи.

Он шел за нами со скучающим видом, но я все равно чувствовала, что ему здесь не нравится.

Мне вдруг стало интересно: а не здесь ли он умер? Я ведь, по сути, ничего не знала о своем «ручном призраке». Сначала я не хотела к нему привязываться, а потом мне было не до того.

Собственно, мне и сейчас не до того, я ведь тут не на экскурсии.

Из приемного покоя мы прошли мимо лабораторий и попали в лечебный зал. Здесь стояли кровати, отделенные друг от друга плотными занавесками молочного цвета. Некоторые кровати пустовали, но пациентов хватало, они занимали больше половины зала.

– Тут вы и будете проходить интернатуру, Дара, – объявил мой провожатый. – Проводить осмотр в приемном покое могут только врачи-резиденты, такие у нас правила. Зато здесь свободные руки никогда не будут лишними. Иногда, конечно, вам придется выполнять работу, которая больше подходит простым медсестрам, но постарайтесь это перетерпеть.

– Без проблем.

– Рад это слышать!

– Трепло, – прокомментировал Локи.

Тут он был прав. Я могла сколько угодно изображать энтузиастку перед Хакиром, внутри у меня все сжималось при мысли о том, что мне придется обслуживать существ, которые мне, по большому счету, отвратительны. Нелюдей! Я уже видела, как одна из практиканток, прошедшая вместе со мной, вытирает мутную желто-зеленую лужу под кроватью, а другая, надев резиновый фартук и маску, спиливает полипы с деревообразного старика. Это же не больница, это цех какой-то!

Но я должна вытерпеть. Нельзя вызывать ни у кого подозрений, особенно у моего куратора.

– Знаете, Дара, мне правда жаль, что вашего брата больше нет, – задумчиво произнес Хакир. – Он был очень нужен нашей клинике... Он мог стать надеждой, которую мы так долго ждали.

– Я не уверена, что понимаю вас.

– Вам наверняка сказали, что люди – несчастные гости здесь. Но Леон великолепно прижился в Эпионе, он нравился и врачам, и пациентам. Я знаю, что между людьми и нелюдьми сохраняется определенная напряженность, а Леон никогда не скрывал, чем занималась его семья. Поначалу это принесло ему немало проблем, но потом... потом он своим примером доказал, что разным видам не так уж сложно жить вместе.

Ага, все очень мило, прямо как у Диснея. Но к чему это привело Леона? Поэтому я, конечно, кивала и соглашалась с ним, однако в глубине души не верила. Мой брат погиб из-за нелюдей, точка.

Но кое-какая польза от философствований Хакира все же была: он подсказал мне версию, до которой я должна была додуматься сама. С которой нужно было начинать!

Что если в этой больнице оказался родственник или друг тех, кого убили наши предки? На то, чтобы составить список всех жертв нашего дедушки, рулон туалетной бумаги понадобится! Предположим, такой тип попадает в Эпиону – и встречает тут наследника семьи Сотер, но при этом слабого, доверчивого и совершенно не готового к бою. Соблазн отомстить велик, и не каждый может перед ним устоять.

Поэтому я решила повнимательней присмотреться к пациентам. Хакир упомянул, что он взял часть тех, с кем работал мой брат, и с этого можно было начать. Локи, к счастью, сообразил, что настала пора испариться, поэтому я могла полностью сосредоточиться на осмотре. Пока всю работу выполнял Хакир, а я просто наблюдала, чтобы потом повторить его действия, если понадобится.

Да уж, как говорила девочка Дороти, мы теперь точно не в Канзасе! Осмотр пациентов в этой больнице был не похож на то, к чему я привыкла и чего ожидала. Мы подошли к какой-то невнятной громадине, напоминавшей мне двухметрового культуриста, который непонятно зачем натянул на себя розовое платье с блестками. Громадина прижимала к себе плюшевого единорога и на проверку оказалась нежной юной девицей по имени Демми. Мне сложно было к этому привыкнуть, а вот Хакира ничего не смущало. Пока он записывал что-то в карту, Демми смотрела на него влюбленными глазами, а он даже подмигнул ей, чем вогнал в свекольную краску на щеках.

Рядом с этим влюбленным бульдозером обосновался мелкий чернявый типчик с непропорционально короткими ручками и ножками. Он смотрел с подозрением и на меня, и на весь белый свет. На попытки Хакира расспросить о его самочувствии он молчал как партизан, и нам пришлось оставить его в покое.

– Ему тяжело сейчас, – вздохнул Хакир. – Аллергия на бытовую химию, вот оно – влияние цивилизации на вековые устои!

– И как это понимать?

– Во времена, когда сформировался его вид, полы мыли водой. Теперь в воду добавляют чистящие средства с подозрительными мужиками на этикетке, а у него от этого экзема.

Ну, я в этом проблемы не увидела – станет меньше существ, которые пугают детей, роясь у них под кроватью. Я, конечно, понимаю, что все эти домовые, или к какому там виду относился чернявенький, веками на четвереньках ползали. Но ведь что-то нужно менять – или исчезать навсегда. Потери некоторых сказок этот мир даже не заметит, он ради них лишний раз от экрана смартфона не оторвется.

Соседом чернявого крохи было существо, с которым этот мелкий, похоже, успел подружиться, потому что оно было немногим выше него. Хотя я, честно, с таким бы лишний раз не общалась, даже если бы оно осталось последним разумным собеседником на Земле.

Существо напоминало сморщенную полтораметровую черепаху, лишенную панциря. Оно носило некое подобие свободного кимоно, которое закрывало непростительно малую часть его страшненькой тушки. Голову существа венчало широкое белое блюдо, в котором плескалась не самая чистая вода.

Черепаха с блюдцем полулежала на кровати и со скучающим видом читала «Историю» Геродота. Подозреваю, что после недели в Эпионе меня уже невозможно будет удивить.

Но если к зеленому уродцу я быстро привыкла, то следующий тип внушал лишь желание вмазать ему чем-нибудь тяжелым. Нет, внешне он ничем не отличался от человека, причем вполне симпатичного – смуглого и темноглазого. Но было в этих глазах что-то такое, что заставляло даже сатира казаться застенчивой девственницей. Когда я подошла ближе, он облизнулся и разве что слюну не пустил. Уж не знаю, чего именно он от меня хотел, но мне не нравился ни один из вариантов.

Однако он не успел ничего спросить, а я – ничего сказать. Нас обоих отвлек женский крик, мигом разрушивший тишину зала.

– О, проснулась, – болезненно поморщился Хакир. – С каждым разом лекарство держит все меньше и меньше.

Кричала молодая девушка, привязанная к кровати мягкими ремнями. Это обстоятельство ей категорически не нравилось, и теперь она отчаянно пыталась освободиться. Девушка извивалась и изгибалась всем телом, стараясь вырваться из оков. От ее отчаянной борьбы свободная пижама сбилась, показывая, что кожа у пациентки светло-зеленая. Волосы девушки вымокли от пота и разметались по подушке, белизна которой подчеркивала их изумрудный цвет, безумные желтые глаза скользили по залу, открытый в крике рот был полон нечеловечески мелких зубов.

К ней уже спешили медсестры, к которым присоединился и Хакир. Я осталась в стороне, потому что все равно не знала, что мне делать. Девушка была в ужасе, она не понимала, что происходит, и не реагировала на попытки поговорить с ней. Медикам только и оставалось, что прижать ее к кровати. Хакир умелым движением вогнал ей в шею шприц, и вскоре она затихла. Убедившись, что с ней все в порядке и она просто спит, он вернулся ко мне.

– Что с этой дриадой? – спросила я, разглядывая бинты на теле девушки.

– Вы неплохо распознаете виды, – отметил Хакир. – Я впечатлен. Только это не дриада, а гамадриада, более редкий подвид.

– И в чем разница?

– У обычных дриад способностей побольше, да и в целом они покрепче. А гамадриады обычно привязываются к одному конкретному дереву на всю жизнь. Если с деревом что-то происходит, его гамадриада погибает в мучениях. Дерево нашей пациентки пошло на обеденный стол, а ее, умирающую, нашли обычные дриады и доставили сюда.

Девушка с зеленой кожей дышала тяжело и хрипло, я слышала это даже на большом расстоянии.

– Что с ней будет теперь?

– Мы попытаемся связать ее с другим деревом, а если не получится, она умрет, – ответил Хакир. – Чудо уже то, что она до сих пор жива. А что делать? Мир меняется под властью людей, чтобы выжить, мы тоже должны развиваться.

Не думаю, что он хотел упрекнуть лично меня – или людей в целом. Для Хакира это было простым фактом, вроде как законом бытия, но его слова все равно заставили меня задуматься.

Люди, как ни крути, остаются доминирующим видом на планете. Нередко они, по незнанию или осознанно, портят жизнь нелюдям, а то и вовсе отнимают эту самую жизнь. Кто-то относится к этому со спокойным пониманием, как Хакир. Но не всем же быть такими умными! Возможно, мой брат, единственный человек в этой больнице, заплатил не за грехи отцов, а просто за то, что принадлежал к «не тому» виду. Вот и версия номер два сформировалась.

А еще я не могла не думать о том, что эта гамадриада очень похожа на меня. Она тоже наверняка верила, что ее ждет совсем другое будущее, счастливое и мирное. Но все изменилось в один день – в один миг даже. Никто не спрашивал ее, чего она хочет и к чему готова, ее просто вырвали из родного мира и заставили стать кем-то другим.

Когда она кричала, я слышала знакомую ярость в ее голосе. Она тоже хотела отомстить тому, кто отнял у нее привычную жизнь. Она не знала его имени и понимала, что вряд ли найдет его. Но жажда мести оказалась сильнее здравого смысла, и теперь она кричала в бессильном гневе, пока ее не успокоили те, кто теперь боролся за нее со смертью.

Глупая маленькая гамадриада. Кому она может отомстить, если сама на ладан дышит?

Глупая маленькая человеческая девушка. Кому она может отомстить, если она сейчас в мире, полном чудовищ? Если ей некого позвать на помощь, некому даже выговориться? Если все ее навыки оказываются бесполезны перед страхом, порожденным темнотой ее собственной спальни? Кому она может отомстить?

Кому я могу отомстить?

Хакир понятия не имел, о чем я думаю, это наловчился угадывать лишь один дурацкий призрак, который сейчас куда-то испарился. А врач просто сказал мне:

– Давайте продолжим осмотр.

Глава 5

Йотун

Из уха на меня смотрел глаз, и с этим нужно было что-то делать – потому что ухо и глаз принадлежали двум принципиально разным существам.

– Как же это ты так умудрился? – сочувствующе спросила я.

Здоровяк лишь пожал плечами. Передо мной сидел настоящий гигант – раза в два меня выше и раза в три тяжелее. Он легко мог перешибить меня одним кулачищем, а вместо этого косился на меня, как провинившийся школьник. Ему было не важно, что я человек, он помнил лишь о том, что я – доктор.

Да я и сама только теперь начинала чувствовать себя полноценным врачом. Первые дни я хвостиком бегала за Хакиром и пыталась запомнить, что он делает и что делать мне, чтобы не оставить свою руку в чьих-нибудь клыках. Мне остро не хватало знаний и опыта, дедуля учил меня убивать этих существ, а здесь мне полагалось их лечить. К тому же, я не была уверена, что все они подпустят к себе человека.

Но все оказалось не так плохо, как я ожидала. Медицина нелюдей отличалась от человеческой, многие ситуации были уникальны, врачам приходилось двигаться вслепую и постоянно советоваться друг с другом, и в этом они ничем не превосходили меня. Что же до моего происхождения, то для кого-то оно, может, и было важно, но никто не выражал презрение открыто.

Так что теперь я выполняла не только поручения Хакира, я сама проводила осмотр и назначала лечение. Но с этим парнишей я разобраться не могла.

Передо мной сидел йотун – грозный северный гигант, который стал жертвой глобализации. Вот уж не думала, что мистическим созданиям придется об этом беспокоиться, но – как есть! Чудовища наловчились жить среди людей и путешествовать по миру, они все чаще покидали привычную среду обитания. Этот вот зачем-то потащился в Африку, где поймал паразита, раньше селившегося только в неразумных монстрах. Паразит, который и сам умом не блистал, с удовольствием забрался в тело северного гиганта. Йотун же обнаружил, что у него появился «пассажир», только когда этот мелкий паршивец ему лапкой через кожу помахал.

Пока жизни гиганта ничего не угрожало, он быстро восстанавливался, как и все представители его вида. Так ведь и паразит разелся! Он уже покусывал кости, еще робко, но нельзя было дожидаться, пока эта скотина решит разнообразить свое меню. Поэтому здесь, в общем отделении, йотуну назначили лекарства: яды, которые должны были избавить его от паразита. Только вот они не сильно помогали, а значит, вариантов оставалось не так много.

– Сегодня придет на консультацию хирург, – предупредила я. – Обсудим, что делать дальше. Но ты не бойся, я ведь и сама хирург, могу сказать, что операция будет несложная!

– Хочу сам его давить, – буркнул йотун.

– Ну, я на это точно не претендую.

Я понятия не имела, когда явится хирург, поэтому на время оставила гиганта в покое. Ему и так несладко приходилось: если паразит засел в ухе, можно было ожидать чего угодно. Поэтому я сделала запись в его карте и отошла – и почти сразу рядом со мной мелькнула знакомая золотистая вспышка.

Я постепенно привыкала к Локи, знала, когда и как он появляется, чего от него ожидать. Он не собирался уходить, его по-прежнему никто не видел, ну а я не имела права его прогнать после того, как сама же позвала. По крайней мере, такой версии я предпочитала придерживаться. Не могла же я сказать ему, что даже его болтовня оказывалась полезна, когда мне становилось совсем тоскливо!

– Рад видеть, что ты начинаешь это делать, – заявил он.

– Делать что? Здороваться с существами, живущими в чужих ушах?

– Относиться к тем, кто здесь собран, как к пациентам, а не к твоим личным врагам. Неплохо для инквизитора.

– Я не инквизитор.

Я ничего не рассказывала ему о себе, он во многом разобрался сам. Узнав, кто был моим братом, Локи начал внимательнее прислушиваться к тому, что о нем говорят, да и сам он помнил Леона, хотя знаком с ним не был.

Он пытался узнать у меня больше, а я молчала. Потому что если бы я начала отвечать на его вопросы, наше общение стало бы слишком похоже на дружбу, а я не могу себе такое позволить.

– Раз ты преодолела этот рубеж, может, ты и ко второму готова? – любопытствовал он.

– Боюсь даже спросить, что ты назначил мне вторым рубежом.

Почему он мне вообще рубежи ставит, я что, скаковая лошадь?

– Осмотр комнаты твоего брата, – пояснил Локи. – Когда ты будешь готова? Если ждешь идеального момента, то он не наступит. Иди сегодня.

Как же я ненавижу эту его способность угадывать, что меня беспокоит! Нет, серьезно, почему этот призрак, при общении с которым я слова миллиграммами отмеряю, понимает меня лучше, чем люди, знавшие меня годами? И это при том, что я по-прежнему не знала о Локи ничего – кроме того, что он мертв.

Так вот, с братом он угадал. Комната Леона ждала меня, а я все находила отговорки: то осмотр поздно закончился, то анатомическую энциклопедию почитать надо, то сил нет. Я придумывала сотни причин, чтобы не входить туда, не видеть то, что было миром моего брата. Почему? Да потому что это делало боль потери еще острее и напоминало мне, что Леон мертв, и это уже не исправить.

– Сегодня не получится, – отмахнулась я. Разговаривать с Локи было непросто: приходилось постоянно подбирать моменты, когда рядом никого не было.

– Почему? – не отставал он.

– Ну... у меня голова болит!

– Ты обыскивать эту комнату собираешься или сексом с ней заниматься?

– Очень смешно, – фыркнула я. – Мне нужно продолжить осмотр!

– Врач года, – закатил глаза Локи. – Ты же интерн, у тебя нет ни нормы, ни строгого графика, что хочешь, то и делай!

Тут он был прав, в Эпионе так работали не только интерны, но и большинство врачей. На большом экране, висящем в центре зала, появлялся список необходимых дел, и тот, кто первым освобождался, просто брал новое задание. Сейчас нужно было измерить температуру у одного из пациентов. Это, конечно же, важнее, чем мои личные дела.

Вот только пациентом этим оказался каппа – тот самый похожий на черепаху коротыш с блюдцем на голове. Когда я подошла, он, не отрываясь от «Несвоевременных размышлений» Ницше, заявил:

– Только ректально.

– Чего? – опешила я. – Вам же по нормам можно через рот мерять!

– Погрешность выше. Да и потом, градусники часто путают. Если мне в зад попадет тот, что другим в рот дают, я это переживу. А если наоборот, будет неприятно. Поэтому, милочка, не навязывайте мне свое мнение, а выполняйте.

Может, день, когда мной будет командовать сопля-переросток, когда-нибудь и наступит, но точно не сегодня. Пожалуй, это знак судьбы, которая неожиданно стала на сторону Локи: хватит отвлекаться, пора заняться делом.

Когда я уходила, каппа крикнул мне вслед:

– И захватите три градусника, потому что у меня три анальных отверстия! Потом выведем среднее арифметическое.

Яркий пример информации, без которой я легко прожила бы всю оставшуюся жизнь.

Я знала, что хирург должен осмотреть йотуна после обеда, и в этот момент я хотела быть рядом – просто жалела бедолагу. Но до тех пор я вполне могла устроить себе перерыв.

– Это ж надо – жить с тремя задницами! – восхищался Локи, пока мы шли к выходу. – Хотя я знаю людей, которые похожи на одну большую задницу, что гораздо хуже. Но ты как врач, кстати, не любознательна.

Я с легкостью пропускала его болтовню мимо ушей, наловчилась уже. Я не отвечала призраку, но и не прогоняла его. При мысли о том, что сейчас я увижу комнату брата, у меня все замирало внутри. По сути, эта спальня, даже не принадлежавшая Леону, знала о нем больше, чем я, не общавшаяся с ним два года.

В разгар рабочего дня общежитие пустовало, я даже Флора не встретила, но это, конечно, к лучшему. Ключ от комнаты брата я получила еще в первый день и теперь постоянно носила его с собой. Мне только и оставалось, что отпереть замок, а я не могла пересилить себя и просто стояла перед дверью.

Локи в кои-то веки прекратил свои дурацкие шуточки и тихо спросил:

– Хочешь, я зайду, посмотрю, что там?

– Не надо. Я и так знаю, что там: его вещи. Я даже не понимаю до конца, чего боюсь.

– А ты точно боишься?

Я не знала, что ему ответить. Пожалуй, это был не страх, а чувство вины, смешанное с горечью и затаенной болью. В любом случае, я должна была преодолеть это сама, а не полагаться на нелюдя, да еще и мертвого.

Поэтому я открыла дверь и вошла в комнату. Локи следовал за мной, ему хотя бы хватало такта не лезть вперед.

Комната Леона была именно такой, как я ожидала: в меру прибранной, но не стерильно чистой, вполне жилой. Совсем как тогда, когда мы оба были детьми и жили с отцом... Теперь отца нет, Леон мертв, осталась только я – совсем одна. От таких мыслей слезы жгли глаза, и я постаралась отстраниться от них, мне не хотелось плакать сейчас. Я прибыла в Эпиону не для того, чтобы рыдать в три ручья, нужно действовать.

Никаких следов обыска и тем более борьбы в комнате не было. Чувствовалось, что Леон очень редко бывал здесь, но это как раз в его стиле: из двадцати четырех часов в сутки он работал, кажется, двадцать шесть.

– Что ищем? – поинтересовался Локи.

– Ты – путь в загробную жизнь, я – все, что может раскрыть причину смерти Леона.

– Шутки про смерть? Не круто.

Да уж, получилось глупее, чем я ожидала. Но извиняться я не стала, гордость была против.

Локи мог бы обидеться и уйти, а он остался. Если честно, часть меня была благодарна ему за это – слабая часть, не охотник и не зверь. Девушка, которая вспоминала прошлое. Было так странно и дико касаться вещей Леона, вспоминать многие из них и знать, что они никогда ему не понадобятся. Когда человек умирает, все, что было важным для него и из-за него, внезапно теряет смысл. Это уже не символы, это просто вещи, и от этого становится еще больнее. Вот он был – а вот его нет, он стерся из картины мира, а жизнь двинулась дальше, будто ничего и не случилось.

Я не знала, что со всем этим делать. По идее, я должна была забрать его вещи, но куда? Да и зачем они мне? Наверно, правильнее будет раздать их пациентам, если тут так делается. Но для начала я должна была унести из опустевшей комнаты все, что было по-настоящему важно для меня и Леона.

– Ты даже сейчас не хочешь рассказать о своем брате? – спросил Локи, осматривавший другую часть комнаты.

– Нет. С чего бы?

– Не знаю прямо... Может, с того, что с моей помощью тебе будет легче?

– Не будет, если ты предашь меня.

– Каким это образом, интересно? – удивился он. – О том, что ты – потомок истребителей нечисти, тут и без меня все знают. Да и вообще, меня никто не видит, поэтому я при всем желании им ничего не расскажу.

– Ну и что? Я говорила тебе, что не хочу делиться личным. Я ведь даже не уверена, что ты не моя галлюцинация!

Подтверждений, кстати, и правда не было. Я разговариваю с красивым мужиком, которого никто не видит и которому даже имя я сама придумала. Привет, паранойя!

Локи предсказуемо обиделся:

– Да у тебя воображения на меня не хватило бы! И кстати, твоя галлюцинация обнаружила кое-что важное, дуй сюда.

Я постаралась сохранить гордый вид, но к нему все равно подошла, сама-то я ничего не обнаружила. Локи стоял на пороге ванной и указывал на полки возле душевой.

– Смотри туда.

На первый взгляд, ничего подозрительного на них не было. Серьезно, если бы я была полицейской, устраивающей тут обыск, я бы, пожалуй, просто прошла мимо. Но мне хватило двух секунд, чтобы разобраться, что его смутило.

На полках было слишком много всего – три геля для душа, включая «Дикую вишню», два шампуня, причем один женский, пена для ванн и несколько кремов, а чуть дальше – ароматические свечи. Леон, конечно, был в меру романтичным джентльменом, но это для него за гранью.

Во время наших разговоров у меня были мысли о том, что ему кто-то нравится, возможно, он даже начал с кем-то встречаться. Но вот эта кавалькада косметики – уже признак полноценных отношений. Получается, с ним кто-то жил, а поскольку Эпиона – замкнутый мир, это была или докторша, или медсестра, или кто-то из пациенток, что вряд ли, поскольку их тоже просто так не выпускают.

На похоронах Леона никто из женщин не выделялся, все они назвались просто друзьями, да и здесь я не раз слышала разговоры о том, что мой брат ходил в завидных холостяках, даром что человек. У него были отношения, и он их тщательно скрывал – становится все интереснее!

Особенно при том, что человек, живущий с ним под одной крышей, мог без труда заметить, что с ним что-то не так и он готовится покончить с собой. Если, конечно, этот человек сам не подтолкнул его к такому – тут у сожительницы тоже непередаваемые возможности. Особенно у той, кто скрывал эти отношения.

– Будем искать бабенку? – осведомился Локи.

– Еще как. Но сначала мы будем искать ежедневник.

– Какой еще ежедневник?

– Леон уже много лет жил по ежедневнику, – ответила я. – Привычка появилась, когда он учился в медицинском. Он ни черта не успевал, круглые сутки был похож на загнанную лошадь и понял, что свихнется, если не начнет записывать план на день. Не думаю, что он перестал это делать, став практикующим врачом.

– Разумно, так проще вести всех его пациентов, – кивнул Локи. – Тогда ищем.

В ежедневнике могли быть важные данные о его контактах, встречах, планах – или причинах того, что с ним случилось. Гадать было бесполезно, оставалось только искать. Я была уверена, что это лишь вопрос времени, ежедневник должен быть здесь, ведь его не было среди тех вещей, с которыми Леона доставили во внешний мир.

Но – облом. Ежедневника нигде не было, и это наталкивало на определенные подозрения. Роль главной злодейки в этой пьесе, конечно же, отводилась той женщине, с которой он жил. У нее наверняка были ключи, чтобы она могла в любой момент забрать свою «Дикую вишню», а она вместо этого украла ежедневник. Почему, зачем? Может, узнала, что Леон покончил с собой, и поспешила скрыть их связь? А может, она прекрасно понимала, что никакое это не самоубийство, и старательно заметала следы.

Короче, нужно было искать эту барышню, непонятно только, как. По запаху шампуня, что ли? Размышляя об этом, я продолжала осматривать комнату, уже ни на что особо не надеясь. Между делом я открыла и сундук, совсем такой, как в моей комнате, и невольно присвистнула. Я-то его использовала для хранения одежды, а братец поступил куда оригинальней: передо мной предстал целый оружейный набор.

Все эти вещи были мне знакомы: владению таким оружием обучал нас дедушка. Несколько метательных ножей, которые можно спрятать под одеждой. Кинжал со специальным механизмом, позволявшим скрывать его в рукаве и доставать в одно движение. Перчатка с вшитыми в нее лезвиями. Елки, да тут коллекцию юного ассасина можно было собрать! При чем это были не старенькие дедушкины побрякушки, а новое оружие великолепного качества.

Привлеченный моим удивлением, Локи тоже заглянул в сундук и хмыкнул:

– Неплохой фетиш был у доброго доктора!

– Это не фетиш. Это, скорее, фобия.

– В смысле? Он хранил в комнате то, чего боялся?

– Да не боялся он этого. Леон просто терпеть не мог оружие.

Я достала из сундука металлический браслет со скрытым лезвием и примерила его; кожаные ремни позволяли подогнать его под мой размер. Всегда хотела такую штуку!

Я, но не Леон. Он подобных вещей сторонился.

– Мой брат был пацифистом, прямо как наш папая, – добавила я. – Он везде и всюду пропагандировал отказ от оружия.

– Что-то не похоже... Если ты не в курсе, в Эпионе такие штуки не приветствуются, это все-таки больница.

– Могу догадаться!

– Официально они не запрещены, но протащить их в этот кластер очень сложно. Твоему брату потребовалось бы немало усилий и денег на такое, не говоря уже о риске.

И все-таки он это сделал. Леон, который и сам мухи бы не обидел, и три дня оплакивал бы муху, убитую мной, собрал неплохой арсенал. Seriously, реликвии нашего дедули не выдержали бы конкуренцию с этими цацками. А ведь мой брат умел этим пользоваться, он просто не хотел.

Но что-то его заставило – а иначе зачем ему оружие истребителей нечисти? Или... или дело в самом Леоне?

У меня впервые появилась версия, в которой он не был жертвой. Мне было ужасно стыдно думать об этом, будто я предавала память о брате, а не думать я не могла. Мне невольно вспомнился йотун, которого я осматривала сегодня.

Вот был обычный добродушный гигант, здоровый и сильный, а вот в нем поселилось что-то другое, чуждое самой его природе, маленькое и злобное. В случае йотуна это был паразит, а в случае моего брата вполне могло быть безумие. Я чувствовала хищника в себе много лет, научилась подавлять его. А если в Леоне эта сила проснулась внезапно? И мой брат, добряк и хиппи, вдруг захотел убивать нелюдей? Это ведь такая возможность: в Эпионе их полно, и все они ослаблены, все станут легкими жертвами.

Леон собрал оружие и приготовился к своей личной войне, но в последний момент понял, что он делает. Он испугался и пошел на отчаянные меры, чтобы спасти свою душу: убил себя вместе со зверем, что передается в нашей семье по наследству. Что еще ему оставалось? Он

был на Эпионе один, вряд ли он мог поговорить по душам со своей сожительницей, если скрывал отношения с ней. Он даже мне не мог позвонить – мы ведь были в этой глупейшей затянувшейся ссоре!

Естественно, я не собиралась делать эту версию основной. Я бы хотела вообще забыть ее, притвориться, что у меня и мысли не было об этом. Но мысли ведь были, и вполне справедливые!

В ежедневнике Леона скрывались ответы, в которых я сейчас отчаянно нуждалась. Поэтому мне и нужно было найти этот ежедневник, если его, конечно, еще не уничтожили.

– Что будешь делать с этим? – Локи указал на сундук.

– Не знаю, а раз не знаю, то и брать не буду, пусть пока хранится в сундуке. Эрмин говорил, что недостатка в комнатах нет, и вещи Леона могут лежать здесь. Пожалуй, я воспользуюсь его щедрым предложением.

– Логично, тем более что тебе эти пафосные ножички все равно не нужны.

А вот это он зря. Во время тренировок я превосходила моего брата, и я знала, как пользоваться этим оружием. Но мне никогда не доводилось испытывать свои силы в реальном бою, да и сейчас не хотелось.

Главное, чтобы выбор не сделали за меня.

Глава 6

Дзасики-вараси

Мы сидели на окне и ели миндаль в шоколаде. Вернее, ела я, а Демми провожала каждый орешек голодным взглядом, но гордо отказывалась от моего предложения поделиться. Вот честно, лучше бы она орешек взяла: мне было жутковато видеть голодный взгляд тролля, направленный на мою руку.

– Точно не хочешь? – в который раз спросила я.

– Конечно, это же бомба калорий, – вздохнула Демми.

– Все показатели бетономешалки, а мозги человеческого подростка, – хмыкнул Локи, наблюдавший за нами.

И хорошо, что Демми его не видела и не слышала, потому что он был совершенно прав. Ее нежная душа каким-то непостижимым образом оказалась заперта в теле двухметрового тролля. Она хорошо разбиралась в высокой моде, возле ее кровати стояла хрустальная фигурка воздушной балерины. Однако даже в человеческом обличье Демми могла сойти разве что за трансвестита, так что ей приходилось большую часть времени проводить в кластерах. Так она оттуда умудрилась познакомиться по интернету с каким-то человеческим мальчиком и влюбиться в него! Теперь Демми проходила обследование, потому что решила на очень серьезную операцию: уменьшение скелета. Такой шаг дал бы ей возможность превращаться в настоящего человека, хотя в мире троллей он считался позором.

Ей было все равно, влюбленные девчонки не склонны заглядывать далеко в будущее.

– Еда – одно из простейших и самых доступных удовольствий, – назидательно произнесла я. – Что может доставить такую же радость столь же просто?

– О, у меня список есть, – подмигнул мне Локи. Я не стала отвлекаться на этого призрачного плейбоя, он и сам знает, что тема уже не его, так что пускай дурачится.

– Любовь приносит большую радость, – сказала Демми. – Есть высшая цель, ради которой можно от многого отказаться.

– А если можно достигнуть этой цели, ни от чего не отказываясь? Что тогда?

– Не мой случай.

– Почему? Очень даже твой! Суть красоты, на самом-то деле, в том, чтобы принимать себя, а не соответствовать стандартам. Кто этот стандарт придумал? С чего ты взяла, что именно он нравится твоему Ромео? Подожди, я тебе сейчас покажу, как уверенные девушки умеют себя подать!

В Эпионе не было ни интернета, ни мобильной связи – по крайней мере, в общем доступе, стандартная практика в кластерных мирах. Во многих из них такая связь вообще под запретом, а здесь был небольшой уголок, где она ловила – беседка возле общежития, куда пускали строго по пропускам. Именно ее когда-то использовал Леон, чтобы звонить мне. Я же посидела в интернете с менее возвышенной целью: я собирала картинки моделей, которые параметрами немногим уступали Демми, но ничуть не комплексовали из-за этого.

Даже не знаю, почему мне так хотелось поддержать ее. Она же тролль, не человек, что может быть хорошего в троллях? Я убеждала себя, что это просто часть моей маскировки, образ хорошего доктора. В это верили все, кроме разве что меня и Локи, будь он неладен со своей прозорливостью.

В общем, я накачала из интернета картинок и сохранила их в своем телефоне. Сам-то он работал, что ему будет? Как фотоаппарат или, например, фонарик – любое устройство, которое не требует мобильной связи. Вот только я не могла его найти! Я была уверена, что положила

его в карман халата, когда начинала вечерний обход, но теперь там ничего не было. Должно быть, я оставила его в своей спальне, когда заходила туда после обеда.

Пришлось бросить выразительный взгляд в сторону призрака. Он намек понял и последовал за мной, когда я отошла от Демми.

– Слушай, есть дело, – сказала я. – Никак не могу вспомнить, где оставила телефон, у себя или у Леона. Ты не мог бы проверить его комнату, а я схожу в свою?

Мне не хотелось возвращаться в спальню брата, даже при том, что я там была и причин для страха не осталось. Не хотелось и все – настолько, что я готова была просить об одолжении призрака. Локи все понял правильно, поэтому обошелся без своих обычных колкостей. Он просто кивнул и исчез, растворившись в воздухе.

Я же собиралась направиться к себе, но меня отвлекла медсестра, бросившаяся мне наперез. Занятное, кстати, существо: невысокая, сухощавая дама средних лет с землистой кожей и вечно недовольным выражением лица. В любое время суток она казалась невыспавшейся и смотрела на окружающих хищником, в силу размеров – хорьком каким-нибудь. Я ей не нравилась не больше и не меньше, чем остальные.

– Вас ищет хирург, – заявила она, презрительно поджав губы.

– Меня? – удивилась я. – Зачем?

Я, конечно, знала, что после обеда никто из хирургического отделения так и не удосужился зайти к несчастному йотуну. Но если к вечеру они все-таки добрались сюда, зачем им я?

– Не лично вас, конечно же! По правилам больницы, на осмотре должен присутствовать кто-то из лечащих врачей. Пациентом занимается доктор Хакир, но я не могу его найти. А вы – его интерн, вы сгодитесь на замену. Идите скорее!

С таким упреком произнесла, будто я от нее весь день по больнице бегала! Но ничего не поделаешь, пришлось отложить поиск телефона и заняться делом.

Когда я добралась до кровати йотуна, хирург уже был там – а вернее, была, потому что посланником верхнего этажа оказалась женщина. Не знаю, почему меня это удивило, я ведь сама хирург, и женщиной от этого быть не перестаяю! А еще больше меня поразило то, что она смотрелась на удивление нормальной – самый обычный человек. Стройная изящная девушка, настоящая модель с фарфоровой кожей и роскошными черными волосами.

И только когда она отвернулась от пациента и посмотрела на меня, сходство с человеком исчезло. На бледном лице горели желтые и безразличные ко всему, будто мертвые, глаза.

– Хакир опять исчез в неизвестном направлении? – Она улыбнулась одними уголками губ, и тепла в этой улыбке не было.

– Очевидно, что да, раз я здесь.

– Типично. Он на дух меня не переносит.

– А есть причины? – поинтересовалась я, без труда выдерживая ее взгляд. На меня еще и не так пялились, подумаешь!

– А ты смелая – редкость для вашего вида. Но твой брат был таким же.

– Ты знала моего брата?

Если она ко мне на «ты», то и я к ней – тоже. Не вижу смысла расшаркиваться, она если и старше, то немногим.

– Его все тут знали. Первый человек, ставший резидентом, как такое упустить? Шумиха была, и предсказуемая. Но то, что он умер, не очень хорошо для больницы.

Вот оно как... Для нее смерть моего брата была пятном на репутации Эпионы, не более. Да у этого гадины не только глазки змеиные!

– Давай по делу, – холодно предложила я.

– Не хотела тебя обижать, но лучше и правда по делу. Ему операцию я сделаю, троллю – нет.

Йотун оживился, приподнялся на локтях, слушая наш разговор.

– Мы не о Демми сейчас говорим, – заметила я. – Что его ждет?

– Небольшая операция под общим наркозом. Наркоз будет природный, только травы, никакого риска. Для такой операции хватило бы и местного, но нам нужно, чтобы он был совершенно неподвижен, тогда приманка подействует быстрее.

– Я на все согласен! – поспешил заявить йотун, прежде чем я успела ответить. – Все подпишу!

– Я не сомневалась в этом, – кивнула девица. – Это довольно мерзкий паразит, понимаю ваше недовольство, а в вашем случае он еще и вырос до нехарактерного размера, но это не проблема. На операции такого рода требуется присутствие лечащего врача, и если доктор Хакир снова не сможет...

– Я его подменю, – пожала плечами я. – В мире людей я хирург, так что это будет любопытно.

– Больше, чем кажется на первый взгляд, – многозначительно произнесла она.

Если она ожидала от меня взволнованных вопросов, то зря. Она мне не понравилась, и я была рада с ней расстаться.

Я собралась покинуть больницу, когда передо мной внезапно появился Локи. Я знаю, что могу пройти через него и мне ничего не будет, но инстинктивно я все равно шарахнулась от него. Для тех, кто призрака не видел, это смотрелось забавно; подозреваю, что такого эффекта он и добивался.

– Даже не надейся, – объявил Локи. – Твоего телефона нет ни у тебя, ни у Леона. Где ты видела его последний раз?

– Ты не поверишь – здесь! В смысле, в больнице.

– Тогда почему ты решила, что забыла его в общежитии?

– Потому что здесь он должен был лежать у меня в кармане, а его нет. Карман у меня не настолько огромный, чтобы вести поиски три дня, и я решила проверить комнаты.

Локи посмотрел на меня так, будто у меня череп и тазобедренный сустав устроили обмен расположением.

– Дара, у меня есть для тебя гипотетическая ситуация... Представь, что в одной комнате с магическим драконом, сатиром и очень одиноким магом оставили шестнадцатилетнюю девственницу-нимфоманку. Каковы шансы, что через девять месяцев население Земли прирастет гибридом?

– У тебя извращенные гипотетические ситуации, но беспокоит меня даже не это, а то, что я начала понимать твою логику. Надеюсь, это лечится.

Я действительно поняла, что хотел сказать мне Локи, хотя он мог бы выбрать способ попонятнее. Пациенты этой больницы – не люди, поэтому мне не следовало ожидать, что они будут вести себя предсказуемо. Законы в наших мирах примерно одинаковые, и что с того? Есть существа, для которых воровство – это почти как дыхание: получается само собой и не вызывает угрызений совести. Об этом меня еще дедушка предупреждал.

Вот только на первом этаже, где я работала, не было магических клептоманов, по крайней мере, из известных мне видов. Да и потом...

– Зачем им мой телефон? – удивилась я. – Он ведь не из золота сделан и даже не блестит. Он тут не работает, что они с ним делать будут?

– Ты копаешь слишком глубоко, иногда это не нужно. Если тебе просто хочется хапнуть, ты не перебираешь варианты. Слушай, у тебя среди пациентов как раз такой товарищ с загоревшими ручонками, а ты стоишь и разговариваешь со мной вместо того, чтобы бежать к нему?

– Да. Хотя бы потому, что я не знаю, кто это!

Я и правда не знала, лишь половина видов, собранных в этой больнице, была мне известна. Дедушка рассказывал мне о существах, которые встречались только в нашей стране,

ну, или неподалеку от нее. А в Эпионе лечились чудовища со всего мира, иногда – редкие. Я что, каждого должна мгновенно узнавать?

– Когда ты начнешь думать о том, как сильно я тебе нужен, вспомни этот момент, – посоветовал Локи. – Дзасики-вараси.

Слова были знакомыми, я их точно видела в одной из карт. В других кластерных мирах вид нелюдя считался конфиденциальной информацией, проще говоря, он сам выбирал, появляться в истинном обличье или принимать форму человека. Но в больнице все было по-другому, природа существ определяла лечение, поэтому их вид указывался в медицинских картах.

И что с того? Я не обязана запоминать информацию о каждом пациенте наизусть! Пришлось снова обращаться к Локи, у которого под эту тему чуть ли не бенефис случился.

– Ну и кто это?

– Чтобы тебе проще было понять, это очень дальняя и очень азиатская родня привычного тебе домового. Дзасики-вараси тоже пробирается в жилище людей и устраивает мелкие пакости – правда, в обмен на это приносит удачу и благосостояние, но поскольку вы не дома, похищенный телефон тебе плюсов в карму не добавит. Вообще, воровством он развлекается не так часто. Но здешнему дзасики-вараси до тошноты скучно, он вырван из привычной среды, вот и привлекает к себе внимание владельцев украденных вещей.

Я начинала догадываться, о ком речь.

– А он не боится за такое привлечение внимания по зубам получить?

– Он просто не знает, что ты агрессивнее, чем выглядишь, – широко улыбнулся Локи. – Так-то ты довольно милая. Кстати, к тебе он будет приставать с большей вероятностью, чем ко всем остальным врачам. Дзасики-вараси живут бок о бок с людьми, а человек тут только один.

Дальше я слушать не стала. Я направилась к нужной кровати, размышляя о том, что сказал Локи. Да, сейчас тут только один человек – я, но раньше был и другой, у которого как раз пропало кое-что важное! Я подозревала, что ежедневник украл убийца или та тетка, с которой Леон спал. Но что если пропажа ежедневника не имеет никакого отношения к смерти моего брата?

Пациент был на месте, из-за острой аллергии ему запрещали покидать зал. Чернявый коротыш окинул меня удивленным взглядом, а потом ухмыльнулся, как маленький ребенок, который наконец достучался до вечно занятой мамы. Как ни странно, настоящего гнева я не чувствовала. Локи прав насчет этого малявки: он не злой, просто капризный и очень одинокий.

Тем не менее, я не собиралась ему потакать. Я остановилась возле его кровати и протянула к нему руку, ладонью вверх.

– Отдай, – велела я.

– Нет!

Что ж, он хотя бы не стал ничего отрицать.

– Отдай мне все.

– Нет! – Похоже, наш спор развлекал его.

Скорее всего, вещи были спрятаны в кровати или тумбочке – где еще? Но мне не хотелось устраивать тут обыск со скандалом и привлекать внимание других врачей. Бог с ним, с телефоном, там ведь еще ежедневник есть!

Должен быть.

– Если не отдашь, не буду тебя лечить.

– Нет!

– Да, в торговле ты не сильна, – заметил Локи, появляясь рядом со мной. – Думай о нем как о пятилетнем ребенке. Очень глупом, очень старом пятилетнем ребенке. Добиться от него чего-то существенного ты можешь или подкупом, или насилием, других вариантов нет.

– Интересное у тебя представление о пятилетних детях! – хмыкнула я.

– Что? – смутился дзасики-вараси, который реплику Локи не слышал.

– Ничего. Мне нужны вещи, которые ты взял у меня и у моего брата, другого доктора, который тебя лечил. Что ты за это хочешь?

И снова он не стал отрицать, что притыкивает по-крупному. Дзасики-вараси задумчиво почесал пятно экземы, которую мы никак не могли вылечить, и указал на разноцветный браслет у меня на руке.

– Вот!

– Ты что, хочешь обменять мою вещь на мою вещь?

– А чего ты ожидала? – фыркнул Локи. – Что он мог у тебя потребовать: денег, голое фото, поцелуй на память? Говорю же: ребенок, у него примерно те же интересы, что и у сороки.

На этот раз я не стала отвечать, наученная горьким опытом. Браслет, надо сказать, не имел для меня никакой сентиментальной ценности, просто симпатичная побрякушка, купленная на распродаже. И хотя расставаться с ним я не собиралась, телефон и ежедневник брата были мне дороже. Поэтому я стянула украшение с руки и отдала его дзасики-вараси.

– Держи, вымогатель. Бизнес у тебя – чистая прибыль!

– Да!

Он схватил браслет так ловко и быстро, что я едва успела заметить его движение. Он мог бы сейчас повредничать и ничего мне не возвращать, но коротыш был не лишен честности – или инстинкта самосохранения. Он нырнул в тайник, обустроенный под подушкой в углу кровати, и достал оттуда мой телефон, шарф, который я потеряла еще в первый день практики, а главное, небольшой блокнот в кожаном переплете.

– От людей – больше ничего! – категорично заявил дзасики-вараси.

А больше мне ничего и не было нужно. Возможно, этот мелкий воришка, сам того не желая, оказал мне большую услугу: если Леона действительно убили, его ежедневник должны были искать. Но в комнате его не оказалось, и преступники решили, что брат его просто выкинул. Они даже не подозревали, что ежедневник все это время был у терзающегося от скуки домашнего монстрика.

Я поспешила уйти, пока дзасики-вараси не передумал, да и не хотелось мне привлекать слишком много внимания к нашему разговору. Я направилась в одну из комнат отдыха, где в это время никого не было, и только там открыла ежедневник. Локи, естественно, присоединился ко мне и уже заглядывал через плечо, но я не обращала на него внимания, я не могла оторваться от страниц, исписанных знакомым почерком.

Ежедневник оказался даже большим сокровищем, чем я ожидала. Здесь было все, что Леон делал в последний год, – он так и не оставил привычку расписывать действия на каждый день. А еще в блокноте были листы, помеченные «Для записи», без дат, где тоже обнаружилось немало интересного. Два списка имен, которые я никогда прежде не слышала, странные значки – шифр, понятный только Леону, ряды цифр. Все это было настолько ненормально, что даже Локи, не знакомый с моим братом, почуял неладное:

– Слушай, он у тебя медиком был или тайным агентом Ее Величества?

– Вот и я уже не знаю...

Это, да еще оружие в его комнате... что же с ним творилось? И почему он не обратился ко мне за помощью – из-за той дурацкой ссоры? Не верю!

Последняя заполненная страница ежедневника подсказала, что не верила я не зря. Там среди планов на день значилось: «Рассказать все Даре. Если от меня избавятся, кто-то должен будет знать».

И все, а потом дзасики-вараси украл у него ежедневник. Судя по датам, за пару недель до смерти, но я-то знала, что этот пункт плана Леон не выполнил.

– Гибель моего брата не была самоубийством, – твердо сказала я.

– Теперь уже и я склоняюсь к этой версии. А раз все произошло в замкнутом мире, это должно быть связано с больницей. Но я тут уже несколько лет слоняюсь, для меня нет закрытых дверей, и все равно я не подозреваю, во что он ввязался. Нам бы понять, с чего начать!

И снова помог ежедневник. Я пролистывала его, надеясь найти что-нибудь важное, и уронила на пол фото, до этого скрывавшееся между страниц. Полароидный снимок, сделанный тут, в Эпионе, а на нем – смеющаяся молодая пара. Мой брат, державший камеру, и прижавшаяся к нему красавица с сияющими от счастья глазами.

Та самая врачиха, хирург, с которой я говорила меньше часа назад.

Глава 7

Троль

Первым, что я увидела, проснувшись, были серо-голубые глаза. Локи, паршивец этот, без малейших угрызений совести улегся рядом со мной на *мою* постель и теперь смотрел прямо на меня, как будто так и надо! Будь на его месте мужчина из плоти и крови, он уже схлопотал бы пощечину, а то и прямой удар в нос, которым мой дедуля наверняка гордился бы. Но отвечать оплеухи призраку было бессмысленно, чем он и пользовался.

– Ты такая милая, когда спишь, – заявил он. – Но потом ты просыпаешься и все портишь. Он меня укусил – я его укушу, чтобы не нагнел.

– Один из нас уже завел привычку не просыпаться по утрам, хватит для нашего дуэта.

– О, так мы дуэт? – оживился Локи.

– Вынужденный. Ты не уйдешь, а я от тебя не избавлюсь. И все равно, прекращай вести себя как сталкер, это вот разглядывание во сне слишком странно даже для тебя.

Локи перевернулся с бока на спину и перевел взгляд на потолок.

– Как будто ты меня знаешь достаточно хорошо, чтобы определить, что для меня странно, а что – нет.

– Знаю ровно столько, сколько ты рассказываешь мне, – напомнила я. – Так что это от тебя зависит.

Я все еще была против того, чтобы сблизиться с кем-то из нелюдей. Но призрак ведь не считается, правда? Он мертв, его вижу только я, и он навсегда останется в Эпионе. Для него можно сделать исключение, которое не будет ничего значить – в этом я убеждала себя при каждом таком разговоре.

Вот только Локи не спешил откровенничать. Я давно заметила, что он легко и охотно болтает на отвлеченные темы, а как дело дойдет до него – все, сразу замыкается. Если же я пыталась расспросить его, почему и как он умер, он мог вообще раствориться, исчезнуть на пару часов, а потом появиться как ни в чем не бывало, но не возвращаться к этой теме.

Так что я знала, как избавиться от него, если он начинал мне докучать. Но к этому трюку я прибегала крайне редко, потому что чувствовала: призраку больно. Может, он и не человек, но нельзя осознанно причинять боль тому, кто тебе помогает, свинство это.

Он, кстати, здорово мне помогал. Когда мы узнали, кто был девушкой моего брата, именно Локи вызвался собрать информацию о ней. У него возможностей было больше: я все еще проходила практику на первом этаже и не могла приставать к хирургам.

– Про меня скучно, – фыркнул он. – Давай про твою несостоявшуюся родственницу.

– Не называй ее так, она может быть причастна к смерти моего брата.

– А может и не быть.

– Если бы у них были нормальные отношения, она не стала бы их скрывать и пришла бы к нему на похороны, а ее там не было, – указала я.

– Каждый справляется с болью по-своему, хотя эта дамочка, на первый взгляд, и не знает, что такое боль. Ее зовут Сиара, а вот вид мне узнать не удалось, в Эпионе об этом вообще не трубят. Она тут на хорошем счету как профессионал, но друзей у нее нет, мне даже показалось, что ее обходят стороной. Несложно догадаться, почему: она особо не откровенничает, говорить старается мало и по делу.

Что ж, такая девушка могла понравиться Леону – и такая девушка могла убить Леона.

– Она не показалась тебе подозрительной? – задумчиво поинтересовалась я.

– Для чудовища, живущего и работающего в мире чудовищ? Нет, нисколько. А у тебя смена начинается через час, хорош валяться.

И снова он был прав, опаздывать на работу мне не хотелось. Я выбралась из кровати, а вот Локи остался лежать там, лениво наблюдая за мной. Со стороны мы наверняка показались бы образцовой парой – если не учитывать, что он призрак, а я ненавижу нелюдей. Он, полагаю, хотел разозлить меня, его такие вещи забавляли. Но я не собиралась поддаваться и вела себя так, будто его в комнате вообще нет: сбегала в душ, оделась, нарядилась. Он ничего не говорил мне, только смотрел, и это было странно, однако у меня не было настроения выпрашивать, что случилось.

В этот день работа на первом этаже шла своим чередом и хирургов не вызывали, но я все равно постоянно оглядывалась по сторонам, чтобы не упустить Сиару, если она вдруг заглянет к нам. С чего ей заглядывать? Все очень просто: убийца моего брата наверняка заволновалась бы, увидев меня. Если ей есть что скрывать, она будет следить за мной так же, как я слежу за ней.

– Ты изведешься, – заметил Локи. – Если продолжишь так же отчаянно вертеть головой, ты поднимешь тут сквозняк, и к проблемам твоих пациентов прибавится еще и простуда.

– Что, так заметно?

– Более чем. Но ты всегда можешь сослаться на нервный тик. Этим же тиком объясни и то, что болтаешь сейчас сама с собой.

Вот ведь зараза...

То ли Сиара отличалась большей выдержкой, чем я, то ли я в ней ошиблась, но в лечебном отделении она так и не появилась. Это меня угнетало: не то чтобы мне было принципиально важно обвинить во всем возлюбленную моего брата, просто она могла стать прямым путем к разгадке его смерти. С ежедневником я так до конца и не разобралась: я не могла понять, что означают имена и цифры, записанные Леоном.

К обеду настроение у меня было ниже среднего. Мне не хотелось видеть нелюдей, ни врачей, ни пациентов, даже если они были не виноваты в моих проблемах. Поэтому я не пошла в ресторан, направившись вместо этого к белым скамейкам, расположенным по ту сторону розовой аллеи.

К сожалению, от одного нелюдя я избавиться не могла.

Локи уселся на траву рядом со мной.

– Ты не виновата, – тихо сказал он, глядя, как ветер волнует ветви акаций в роще, прятанной от нас морг. Их запаха я не чувствовала, все перекрывали розы.

– Это что-то новенькое, – удивилась я. – Только не говори мне, что у тебя душа есть!

– Я, вообще-то, одна сплошная душа. Я не шучу, Дара. Не ты виновата в том, что случилось с твоим братом – независимо от того, сам он себя убил или ему кто-то помог. И уж тем более ты не должна винить себя за то, что никому не отомстила.

Да как же он это делает?! Как все время докапывается до того, о чем я думаю и что чувствую? У меня начали появляться подозрения, что призрак умеет читать мои мысли, и мне это не нравилось.

– Если бы я не поссорилась с ним, он бы обратился ко мне за помощью!

– Не факт, – покачал головой Локи. – Он был взрослым человеком и принял самостоятельное решение. Если судить по тому ежедневнику, у него были проблемы, так что да, это может быть убийство. Но знаешь, что? Я бы на его месте не стал втягивать в это тебя, и не важно, ссорились мы или нет.

– Ты не можешь этого знать!

– Если ты была ему дорога, именно так он бы и поступил.

«Да» по всем пунктам. Он снова прав. Но понимание этого, да еще мысли о Леоне, ударили по мне сильнее, чем я ожидала. Мне нужно было на ком-то сорваться, выместить гнев, а рядом был только Локи.

Значит, огрести предстояло ему.

– Знаешь, для того, у кого нет своей жизни, ты поразительно часто лезешь в жизнь других. Смысл нам с тобой говорить о моем брате? Он умер и ушел, не нарушая законов мироздания, а вот кое-кто остался.

– И что? – холодно осведомился Локи. – На Земле места мало, мне не хватит?

– Нет, мне просто любопытно: зачем? Я читала, что призраки остаются на этом свете по определенной причине. Ты ради чего задержался? Мечь? Хочешь отомстить тому, кто виновен в твоей смерти?

– Тот, кто сделал это со мной, давно мертв.

– А для чего тогда? Должна же быть хоть какая-то цель, ты не мог остаться для того, чтобы просто выматывать мне нервы!

– Так, я понял. – Локи поднялся на ноги. – Тебе вожжа под хвост залетела и ты зла на весь свет. А поскольку свету на тебя плевать, ты устраиваешь головомойку мне. Но мне-то это зачем? Я лучше подожду, пока ты утомитесь.

Он исчез, не дождавись моего ответа. Это и к лучшему: мне нечего было ему ответить, потому что он снова все понял правильно.

Я думала, что гнев отвлечет меня, а по итогу на душе стало совсем скверно. Мало того, что расследование смерти Леона застопорилось, так еще и с Локи некрасиво вышло. Да, я не просила его о помощи. Но разве это умаляет его заслуги? Как по мне, только увеличивает.

Так, подведем сухой итог: я запуталась в обстоятельствах смерти брата, сделала больно единственному союзнику и вообще вела себя как полная стерва, а ведь даже полдня не прошло. Что еще пойдет не так?

Когда за моей спиной зашелестели розовые кусты, я не обратила на это никакого внимания. Звука шагов я не слышала, а вот ветер то и дело налетал со стороны моря, играл со старыми акациями, скользил над изумрудной травой. Я решила, что на этот раз ему захотелось покружить среди роз, только и всего.

Я сидела неподалеку от больницы в самый разгар дня, поэтому я ничего не боялась. С чего бы? Даже если в этом кластере не все так однозначно, любая опасность таится в ночи, здесь и сейчас мне ничего не угрожало.

Я верила в это до тех пор, пока вокруг моей шеи не захлестнулась петля.

Это было настолько резко и неожиданно, что я даже не сообразила, что происходит. Каким-то чудом я успела перехватить ее пальцами – настолько, что она пока не могла меня задушить, но и я не могла ее скинуть. Ничья. Кто-то напал на меня и теперь душил! Я попыталась подняться с лавки, чтобы увидеть его и вырваться, да куда там, на меня налетали все новые веревки.

Хотя нет, какие веревки? То, что передавило мне шею, а теперь захлестывало руки, ноги и тело, не было обычными удавками. Вокруг меня живыми давящими змеями обвивались розовые ветви! Это звучало дико, но рядом со мной никого не было, кроме все того же высокого розового куста.

Он больше не был безобидным растением, он превратился в хищника, паука, готового заточить меня в кокон. Зеленых ветвей вокруг меня становилось все больше, шипы разрывали мне кожу до крови, давили так, что я боялась: еще чуть-чуть, и мои кости не выдержат.

Все мои усилия уходили на то, чтобы не дать той, первой, петле задушить меня или свернуть мне шею. Если сначала я еще пыталась вырваться, то теперь поняла: у меня просто не хватит сил. Хищное растение выматывало меня, оно было намного сильнее. Я пыталась вспомнить, что это такое, чтобы найти его слабость, однако дед не рассказывал мне ни о чем подобном.

Мне нужна была помощь, срочно, потому что кокон становился все плотнее. Он бы переломал мне кости, однако моей неожиданной защитой стала лавка: ветви приматывали меня к ней, а она не позволяла им давить слишком сильно. Однако это было временным спасением:

мои ноги уже были в ловушке, руки тоже оказались примотаны к телу, света и воздуха рядом со мной оставалось все меньше.

Я умирала – прямо здесь, в мире, созданном для сохранения жизни, в разгар самого обычного дня. Я никогда не чувствовала себя такой слабой и беспомощной, я, лишенная воздуха, не могла даже кричать. Если бы я не отпугнула Локи... хотя что бы он сделал? Ничего. Призрак был бы вынужден бессильно наблюдать, как я умираю, – а потом я присоединилась бы к нему.

Через пару секунд я не могла думать даже о несправедливости того, что здесь творилось, я думала только о том, что мои легкие теперь бесполезны. Моя реальность сузилась до одного-единственного слова: воздух. Мне нужен воздух, я не могу дышать, мне нужно сделать хотя бы вдох – или я погружусь в темноту и больше не смогу сопротивляться.

Я была готова сдаться, когда воздух вернулся. Один резкий рывок – и вот давление исчезло, а мои легкие заработали в полную силу. Я дышала и не могла надышаться, от этого чуть кружилась голова, но мне было плевать. Яркий солнечный свет ослепил меня, и я даже не видела, кто меня спас, но я прижималась к нему, живому и сильному, потому что он неожиданно стал преградой между мной и смертью.

А потом вокруг меня сделалось совсем уж шумно. Со стороны больницы подоспели другие врачи, которые и увели меня, еще не оправившуюся от шока, из сада в палату, они спрашивали у меня что-то, но я не могла ответить, да и не знала, что сказать. Я понятия не имела, что со мной случилось. Они сообразили, что мне сейчас не до рассуждений и анализа ситуации, а потому оставили меня в покое.

Окончательно я пришла в себя только в больнице – уже как пациентка. Меня определили в одиночную палату, предназначенную для персонала, ввели поддерживающую капельницу, обработали порезы, щедро покрывавшие мою кожу, и ушли. Видно, решили, что мне лучше ни с кем не говорить, а просто поспать.

Вот только спать мне не хотелось. Меня только что чуть не превратил в фарш розовый куст, мне нужно было знать, что произошло! К счастью, кое-кто со мной все же остался...

Локи стоял у окна, но когда я приподнялась на локтях, бросился ко мне. Вид у призрака был обеспокоенный, испуганный даже, поэтому вариант, что куст атаковал меня по его наводке, можно было отбросить.

– Лежи, тебе здорово досталось, – сказал он.

Тут он был прав: мои руки, грудь и плечи покрывали темные полосы кровоподтеков, ровно на тех местах, где меня касались ветки. Подозреваю, что с ногами была та же история. Но я ведь и не планировала сейчас польку отплясывать, мне просто не хотелось лежать пластом.

– Врачи рядом, ты можешь позвать их, – указал Локи.

Похоже, случившееся со мной настолько напугало его, что он готов был простить мне недавнюю обиду. Это и к лучшему, я терпеть не могу извиняться.

– Мне и тебя хватит, если ты знаешь, что произошло, – отозвалась я.

– Уверена?

– Я ведь врач, забыл? Со мной ничего серьезного не произошло. Куст повел себя не по-джентльменски, и мне хотелось бы знать, почему. Но он не успел мне ничего сломать, и это тоже чья-то заслуга. Знаешь, чья?

– Знаю. Там все быстро выяснилось, на самом-то деле... Черт, поверить не могу, что это случилось, именно когда я ушел!

Я не стала указывать ему, что он ничего бы не изменил, мне просто было приятно, что ему не плевать на мою возможную смерть.

– Локи, так что это было?

– Гамадриада.

– Ты серьезно?

– Я, конечно, не прочь сделать свой вклад в развитие магического юмора, но не в этот раз. Все точно, врачи тебе скажут то же самое.

Оказалось, что на тот свет меня чуть не отправила хрупкая зеленая девушка. Гамадриада, лишившаяся своего родного дерева, должна была умереть, однако в Эпионе ее спасли, перелив ей кровь обычной дриады. Вместе с правом на жизнь она получила новые способности, с которыми не умела обращаться, а еще – безумие.

– Она не была создана для такой жизни, – пояснил Локи. – Это нам кажется, что со смертью нужно бороться любой ценой, не для всех видов это так. Спасая эту гамадриаду, врачи нарушили ее связь с природой, вот и получили психопатку, которая сразу же бросилась мстить.

Она ничего не имела против меня лично, она даже не помнила, как меня зовут. Зато она знала, что ее дерево уничтожили люди. Ей хотелось отомстить хоть какому-то человеку, а кроме меня вариантов не было.

Гамадриада не планировала это, потому что не умела планировать. Она просто увидела меня в саду и поддалась ярости. Используя новые способности, она оживила розовый куст, возле которого я отдыхала, и чуть не сделала из меня муху, пойманную пауком.

На мое счастье, расправу увидела соседка гамадриады по лечебному залу – Демми, та самая крошка-тролль. Вернее, крошкой она была только в собственном воображении, для остального мира она оставалась очень крупным и очень сильным созданием.

Чтобы спасти меня, она выбила окно, выбралась наружу и порвала кокон, поймавший меня, голыми руками. Врачи, последовавшие за ней, увидели, что случилось, и помогли. Локи не сказал мне, когда он появился и сколько успел увидеть, но по его голосу было понятно, что он здорово перепугался, и от этого у меня почему-то становилось тепло на душе.

– Что с ней теперь будет? – спросила я. – С гамадриадой, то есть.

– Ей нет смысла оставаться в Эпионе, здешние врачи вылечили ее тело, они больше ничего не могут ей дать.

– Тело – да, а с мозгами как быть? Нельзя отправлять ее во внешний мир, если она рвется убивать всех людей подряд!

– Как ни странно, не ты одна это понимаешь.

Гамадриаду ожидало незавидное будущее в закрытом кластере – психиатрической лечебнице для нелюдей. Никто пока не брался сказать, сможет ли она поправиться. Ей предстояло оставаться вдали от внешнего мира до тех пор, пока она не обуздает свою ненависть. Если у нее не получится... что ж, так тому и быть.

Я, если честно, не злилась на нее, я о ней вообще не думала, мои мысли снова и снова возвращались к Демми. Она была симпатична мне с самого начала, но не более. Теперь же она стала спасительницей моей жизни, и хотя она ничего за это не просила, мне хотелось отплатить ей за помощь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.